

Книжная серия «Имена Алтая»
выпуск седьмой

Владимир Шнайдер
Герман Шнайдер

Николай Павлов

биографический очерк

Барнаул
Полиграфическое предприятие «ГудАрт»
2019

Книжная серия «Имена Алтая»
выпуск седьмой

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
Ш-76

Редакционный совет:

О. Ф. Гришко, писатель, главный редактор журнала «Культура Барнаула»;
М. В. Кургалина, журналист; Г. Е. Борик канд. филол. наук, доцент ОГУ

Шнайдер В. А., Шнайдер Г. В.
Ш-76 Николай Павлов – биографический очерк. – Барнаул

ISBN 978-5-6042572-0-3

Очерк написан и издан к 100-летию со дня рождения известного сибирского писателя Николая Васильевича Павлова (1918 – 1986 гг).

Все права защищены Законом РФ об авторских и смежных правах. Перепечатка текста или любой его части без согласования с авторами запрещена.

ISBN 978-5-6042572-0-3

©Шнайдер В. А. Шнайдер Г. В.

Конец июля третьего послевоенного года. Все предприятия Советского Союза работали с огромным напряжением. Желание скорее восстановить страну из военной разрухи жило в душах большинства советских людей. Каждый месяц был ознаменован каким-нибудь масштабным достижением – в марте начала давать ток первая турбина Днепрогэса; в мае в Ленинграде был открыт первый в стране Дом обороны ДОСААФ и начато вещание Ленинградского телецентра; было создано Всесоюзное общество «Знание» и т. д. Особенная нагрузка лежала на железной дороге – грузоперевозки за послевоенный период выросли на 26 процентов, а пассажирские – на 167!

Заводы, фабрики, комбинаты наращивали объёмы производства и очень нуждались в квалифицированных специалистах. Выпускники технических вузов были на вес золота, особенно в отдалённых регионах страны.

К перрону барнаульского вокзала, устало выдыхая клубы пара и скрежеща на стрелочных переводах, немало повидавший на своём трудовом веку паровоз затягивал пассажирский состав. Победный гудок... лягнули буфера... и состав остановился. Из вагонов, утомлённые длительной поездкой, стали спешно высаживаться пассажиры. Толчея, гам – настоящее броуновское движение. Когда суета на перроне несколько утихла, с поезда сошёл молодой человек с чемоданами в сопровождении подростка и молодой женщины с ребёнком на руках. По всей видимости, молодая семья. Отойдя от края перрона, они остановились и огляделись. Молодой человек, а это был Николай Васильевич Павлов, покачал головой. Вид вокзала, привокзальной площади и прилепившихся вокруг зданий, построек и хибарок не радовал, скорее, наоборот, действовал удручающе, настолько всё казалось неприглядным, провинциальным и чужим. И одна только мысль ободряла: через три года можно покинуть этот заштатный городок и уехать туда, куда хотелось попасть сразу после института, – на Таганрогский котлостроительный завод.

– Ну, куда ехать будем? – спросил подошедший извозчик в изрядно поношенных штанах, латаном пиджаке и фуражке набекрень.

– На котлостроительный завод нужно. Далеко отсюда?..

Глава I

Рассказывать о людях не просто, а о людях творческих сложно вдвойне. С одной стороны, ты говоришь о земном человеке, который родился, учился, работал, женился... В общем, о рядовом своём современнике. Но задача усложняется, когда человек не рядовой, не обычный. Когда он был отмечен талантом и смог свои дарования раскрыть, реализовать, воплотить. Ведь так и тянет придать ему монументальность, в обычных поступках разглядеть предопределённость.

О том, что Николай Васильевич Павлов обладал незаурядной натурой и был талантливым, вы узнаете из этого очерка. И сами сможете определить, в чём Николай Васильевич был человеком обычным, а в чём нет.

Деревня Менюша, в которой родился Николай Васильевич, имеет большую историю. Первые упоминания о ней относятся к 1492 году. Расположена она среди лесов и болот. Через неё пролегал большак, связывавший два крупных торговых города Руси – Новгород и Псков, и вел дальше в Европу. О названии деревни существует несколько версий. По одной, так называли её военные, которые, сбежав со службы у Аракчеева в селе Медведь, укрылись в этих местах и поменяли таким образом судьбу служилых людей на судьбу беглых. Согласно другой версии, название дано из-за множества постоянных дворов, на которых меняли лошадей, – находилась она, как было сказано, на большаке (тракте) в 40 верстах от Новгорода. Позже, когда был выстроен Санкт-Петербург, любой ехавший из него в Европу или наоборот, никак не мог миновать Менюшу. Потому деревня была весьма зажиточной. Кроме постоянных дворов в ней было много торговых лавок, ведь каждый проезжавший нуждался в свежих лошадях, крове и пище. Росла Менюша не как большинство населённых пунктов – вширь, а вытягивалась вдоль тракта и с годами растянулась на четыре версты. Местные торговцы понимали – чем ближе лавка к тракту, тем больше в ней будет покупателей.

В многовековой истории Менюши имеются свои легенды. Самая древняя из них относится к XVI веку. Согласно ей, в 1570 году в крестьянской семье Исидора и Варвары из деревни Верхний Прихон было два мальчика – Иоанн, пяти лет, и Иаков – трёх. Когда родители уходили в поле, дети оставались одни, без присмотра, и могли, забыв родительские наставления, заниматься, чем душа пожелает. И вот однажды во время игр на окраине деревни, Иоанн случайно убил Иакова и, прибежав домой, от страха спрятался в печь. Вернувшиеся с полевых работ родители, думая, что дети играют за околлицей, затопили печь, чтобы приготовить ужин. Иоанн, боясь гнева родителей, так и не подал голоса. Тело его обнаружили уже после того, как печь была протоплена. Весть о таком происшествии быстро облетела всю округу.

Мальчиков похоронили вместе на Медведском погосте. Но через некоторое время – 7 июля (по другим данным, 25 июня) – заблудившиеся в этих местах охотники вышли на Каменское (Каменное) озеро и увидели в озере два детских гробика. Догадавшись, что в них тела двух погибших мальчиков, охотники выловили гробики и похоронили их. А после этого обратились к детям с молитвой помочь им выбраться из леса. И вскоре вышли к Менюше.

Спустя какое-то время через эти места из Пскова шёл монах и остановился на берегу озера неподалёку от могилы отроков. Во сне он был исцелён от одолевавших его недугов и получил откровение: «Дальше не ходи, останься здесь, найди могилку отроков, похорони их в деревне Менюша и поставь часовню». Монах выполнил наказ, нашёл могилу отроков и перезахоронил их в Менюше, поставив на этом месте часовню. С тех пор озеро считается святым.

Другая легенда связана с деревенским Свято-Троицким собором. В 30-х годах XIX века округу из-за эпидемии холеры охватили крестьянские волнения, приносящие императору Николаю Павловичу немалые хлопоты и убытки. Как-то, проезжая по тракту через деревню Менюша, Николай отметил, что бунтов в ней нет. Законопослушность жителей деревни императору понравилась, и он, решив вознаградить их за это, спросил, чего бы они хотели по императорской милости? Крестьяне попросили для деревни новый храм, чем ещё больше растрогали Его Императорское Величество. В 1841 году в Менюше был освящен новый «с золотыми звёздами по синим куполам и с колоколом» каменный Свято-Троицкий собор.

В этом храме были крещены все дети Павловых – Василия Гавриловича и Марии Ивановны: Леонид в 1913 году, Николай в 1918-м, Вера в 1921-м. Возможно, и сами Василий Гаврилович с Марией Ивановной, родившиеся в один год – 1883-й, получили крещение там же.

Семья Павловых была крепкой и жила в достатке. Но наёмных работников никогда не держали, со всеми работами – и в поле, и на дворе управлялись своими силами. Василий Гаврилович и Мария Ивановна были людьми истинно верующими в Бога, чтити все церковные праздники и нередко делали пожертвование на содержание храма и богоугодные дела. Они знали грамоту и даже выписывали газеты, доставка которых в Менюши, благодаря тракту, не имела затруднений. Соответственно, и дети их, когда подходил срок, обучались грамоте.

Николай Васильевич с детства очень любил читать, в школе учился прилежно и успешно. Но школьная программа любознательный и пытливый ум Николая не могла удовлетворить. На его счастье, у близких друзей, детей местного священника, была домашняя библиотека, которая казалась подростку настоящим кладом знаний. Именно под влиянием книг из библиотеки священника Николай уже в то время начал писать стихи. Это было в четвертом классе. Учительница отмечала талант ученика и поддерживала его стремление писать. Позже, став членом Союза писателей, Николай Васильевич записал на листке, что если бы не поддержка Валентины Васильевны, то, возможно, он бы оставил мысль стать писателем.

С образованием коммун, а затем колхозов в семьях крепких и зажиточных крестьян, в том числе и Павловых, начались проблемы. Отдавать нелёгким трудом нажитое хозяйство в коллективное пользование не хотелось, потому что колхозники не радели об общем добре. Скот кормили скудно, инвентарь никто не берёт. Где поработал – там и бросил, а сломался, так и чинить некому. Одним словом, не своё – не жалко. В семье же Павловых всё наживалось годами и собственным трудом, наёмных работников они никогда не имели. Но и это обстоятельство не мешало верхушке коммунаров смотреть на них, как на врагов. Такое обстоятельство удивляло Василия Гавриловича и Марию Ивановну – в селе каждый, от мала до велика, знал, что хозяйство их нажито трудом всей жизни. Более того, в трудные времена они помогали попавшим в беду землякам чем могли, и

вдруг стали врагами тем, кому помогали. Но косые взгляды, злые разговоры и недоброжелательные выпады были лишь предтечей той беды, которая грянула весной 1930 года – семья Павловых была раскулачена и сослана на Кольский полуостров. Какие же они были кулаки? Земли столько, сколько нарезало общество по закону – на каждую мужскую душу. Чужого не взяли, батраков не имели. Состоятельность зависела от радения, трудолюбия и желания жить в достатке. Попутала власть трудолюбивого хозяина с кулаком.

Почему Павловых выслали именно на Кольский полуостров? В те годы раскулаченных высылали на строительство стратегически важных для страны объектов. В конце 20-х на Кольском полуострове было начато строительство апатит-нефелиновой обогатительной фабрики, и бесплатные рабочие руки были нужны. Вместе со взрослыми и их дети становились спецпереселенцами. Условий для жизни не было никаких. Первое время расселялись в дощатых бараках, спали на голых нарах в верхней одежде. Антисанитария полная. За три осенних месяца 1930 года эпидемии кори, скарлатины и тифа унесли жизни 263 детей.

Трудиться приходилось не только взрослым, но и детям. Взрослым в основном на строительстве фабрики, а детям на строительстве посёлка – жилых домов, бани, пекарни, фельдшерского пункта, школы, магазина. Таким образом, вместе с фабрикой рос посёлок Кукисвумчорр. Но условия жизни по-прежнему оставались тяжёлыми. Взрослые работали по 14-16 часов. Питание было скудным, медицинская помощь самой элементарной. Больные занимались самолечением и в основном народными средствами. Чудом, иначе не скажешь, детям Павловых удалось выжить в нечеловеческих условиях в атлантико-арктическом климате полуострова. Но всё-таки были и просветы в жизни детей на полуострове. Например, казались природным чудом полярная ночь и полярный день. Ночь на широте Апатитов длится около двух недель, а день – чуть больше двух месяцев. Не диво ли это для детей? Впечатлений, наверное, осталось на всю жизнь, но только ни Николай Васильевич, ни сестра его Вера Васильевна не говорили о них. Как знать, может, когда и вспоминали кольский период своей жизни, оставшись наедине, но в присутствии детей и посторонних – никогда.

Детские интересы и мечты. Их не смогут затмить никакие трудности. Отвлечь на время от них – да, но совсем изгнать из души – нет. Получилось так же и с Николаем. Выселение за тридевять земель, холод, голод – ничто не смогло заставить его отказаться от мысли стать писателем. Изредка и украдкой он продолжал сочинять стихи и коротенькие рассказы. Однажды, когда Николай учился в седьмом классе, учительница русского языка и литературы Валентина Васильевна Бобенко объявила конкурс на лучший рассказ. Николай расстарался и... его рассказ был признан самым лучшим! Нужно ли говорить, что это для него значило? Валентина Васильевна оказалась человеком равнодушным и отнесла рассказ в городскую газету «Хибиногорский рабочий». И произошло ещё одно чудо – рассказ, в

сокращении и с небольшой редакторской правкой, напечатали. Не ошибёмся, если скажем, что именно этот случай окончательно утвердил решение Николая стать писателем. Радость успеха была разделена всей семьёй. Николай несколько дней ходил будто с крыльями за спиной.

О жизни своей семьи на Кольском полуострове и уж тем более о раскулачивании Николай Васильевич молчал всю жизнь, даже бумаге не доверился. Нигде нет ни слова о детстве и родителях. Об учебе в ЛПИ, о войне и послевоенной жизни он писал и говорил свободно, а вот о детстве, юности – никогда и нигде. Даже собственные его дети об этом узнали, будучи взрослыми, и то в общих чертах без подробностей.

Какие бы тяготы на человека ни наваливались, какие бы трудности ни вставали на пути, он, если есть желание и стремление выжить, выживет. Василий Гаврилович и Мария Ивановна всячески старались помочь детям вырваться с полуострова на Большую землю. С момента переселения у них (как и у всех сосланных) была только одна цель – сбересть детей и помочь им выбраться из гиблого места. Что они для этого предпринимали, чего им это стоило – известно только Богу.

Непомерный труд, постоянное недоедание, непривычный климат и душевные переживания не могли не сказаться на здоровье, и 18 сентября 1933 года от кровоизлияния в мозг в 50 лет умерла Мария Ивановна.¹ Трагедия для всей семьи. Особенно для Веры и Николая. Какой бы работой и насколько мама ни была загружена, а досмотреть за детьми, приласкать, подбодрить всегда находила время. Материнское тепло в те годы для Павловых, наверное, было столь же необходимым, как и хлеб. И вот мамы не стало. Что делать, как жить дальше? Похоронные хлопоты взвалил на себя старший сын Леонид. Да и какие тогда в том краю были хлопоты – казённый дощатый гроб, казённые дроги, из брусков грубо сколоченный крест...

После смерти матери все домашние хлопоты и заботы в основном легли на плечи пятнадцатилетнего Николая. Вера, конечно, помогала брату чем могла.

Увидеть детей свободными смог только отец – Василий Гаврилович. Первым Кольский полуостров покинул Леонид, а в 1937 году, после успешного окончания средней школы, Николай по настоянию отца получил разрешение выехать в Ленинград. Не сложно догадаться, с какой душевной болью Николай оставлял родителя и младшую сестру. Он прекрасно сознавал, что, уезжая, лишает их единственной опоры, но отец уверил, что вскоре и они с сестрёнкой получат разрешение на выезд и вновь будут все вместе.

Впервые в жизни оказавшись в крупном городе, да ещё таком как Ленинград, Николай сразу и навсегда был им очарован. Позже, через несколько десятков лет, он так вспоминал приезд в Ленинград: *«Навсегда памятны движения души, когда я приехал в Ленинград: была радость, что такой город существует на земле и что он – наш, российский, советский...»*

¹ АО ЗАГС г. Кировска

Волновал яркий лик города, его прострельные проспекты и распахнутые площади, статные архитектурные ансамбли, дышащие историей, благородно совершенные мосты и мостики, величавые памятники, улицы и набережные, которыми ходил Александр Пушкин.

... Встреча с Ленинградом в белые ночи, в восемнадцать лет! Не всякому повезет.

... Ты стоишь у пьедестала опекушинского памятника задумчиво взгрустнувшему Пушкину и видишь, как он, поэт, приподымает голову и расправляет плечи. Сейчас он, Александр Пушкин, поспешит домой и, вдохновенный, склонится над рукописью «Медного всадника».

В Ленинграде Николай остановился у старшего брата Леонида. К тому времени у брата была семья и родился сын Анатолий, первый племянник Николая. Комната, в которой ютилась семья старшего Павлова, была маленькой. Из мебели стол, пара табуреток, настенный шкафчик да кровать. Спать Николаю приходилось на полу. Не желая стеснять родственников, он старался приходить только переночевать, а остальное время проводил в городе. Из скудных воспоминаний Николая Васильевича мы знаем, что интересно ему было всё в Ленинграде. Хотелось пройти по всему городу, посетить все музеи, театры, библиотеки, но большую часть времени отнимала подготовка к вступительным экзаменам. И вот 1 сентября 1937 года приказом по институту № 619 Николай Васильевич Павлов был зачислен на энергомашиностроительное отделение Индустриального института. Получил койко-место в общежитии на Прибытковской улице, в доме № 14.² Тогда же, в сентябре, Павлов вступил в профсоюз. Началась новая, полная открытий жизнь...

Студенческая жизнь была полна различных хлопот. Но, удивительное дело, времени хватало на всё – учёбу, занятия в библиотеке, спорт, диспуты, театры. Такое чувство, что в сутки студент умудрялся втолкнуть не двадцать четыре часа, а много больше. Давайте заглянем в записи Николая:

«... Русский блистал. Блистал без блеска. От трогających сердце полотен Иванова, Репина, Врубеля, Коровина мы переходили к проникновенным картинам и графическим листам Кустодиева...

И вот – сентябрь тридцать седьмого года. Я – студент Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина.

События, явления, интеллектуальное обогащение – все персонифицировано, все в лицах, во встречах, в общении с «обыкновенными» и замечательными ленинградцами. Справедливо кто-то из великих заметил, что самая большая роскошь в жизни – это роскошь человеческого общения.

В институте – лекции академика А. Ф. Иоффе по физике... Безыскусные и поразительные. Читанные без аффектации, но с той проникновенностью человеческого разума в глубины знаний, которая покоряет.

² научно-фондовый сектор Музейного комплекса СПбГУ Петра Великого

Лекции по химии профессора Менишуткина, сына академика Н. А. Менишуткина, друга и сподвижника великого Д. И. Менделеева.

И выступления набравшего тогда гроссмейстерскую силу М. Ботвинника, который вел у нас практические занятия по электротехнике (мы все тогда болели шахматами).

...ленинградская юность была насыщенной, напряженной. Она была насыщена восприятием знаний, культуры, искусства. Мы были влюблены в публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и ласково звали ее «Щедринкой».

...Пополудни, сбежав с черчения, без обеда, едешь на трамвае с Выборгской стороны в центр, и сразу – в «Щедринку». Огромный, безупречно тихий зал. Только шорох листаемых страниц... За четыре года регулярных занятий в этом зале я ни разу не слышал громкого разговора либо открытого возгласа. Нельзя: это храм литературы, в котором каждому надо обеспечить право открывать прекрасное.

...Тогда в Ленинградском театре комедии блистали Н. Акимов, Б. Тенин, И. Зарубина. И отнюдь не был этот театр «смехаческим». Он был сатирическим и серьёзным.

Потом мы перекинулись на Драматический театр им. А. С. Пушкина (бывший Александровский): Ю. М. Юрьев, Е. П. Корчагина-Александровская, Н. К. Симонов, К. В. Скоробогатов, Николай Черкасов...

В Академическом театре оперы и балета им. С.М.Кирова (бывшем Маршинском) пели С.П.Преображенская и А.А.Халилеева, танцевали Н.Дудинская и К.Сергеева.

...В наши юные годы мы с жадностью, прямо-таки с упоением приобщались к науке, к литературе, к прекрасному...».

С какой любовью Николай Васильевич говорит о Ленинграде! И это после тридцати лет, прожитых в Барнауле.

Ради исторической правды нужно отметить, что поступал Николай не в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина, а в Ленинградский индустриальный институт (ЛИИ). Политехническим и имени Калинина институт стал в 1940 году.

В 1938 году Николай Васильевич был торжественно принят во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи. Получив билет и нагрудный знак, Николай Васильевич очень разволновался. Мог ли он – сын раскулаченного и сосланного, так сказать классового врага, ещё год назад мечтать, что он может стать своим в комсомольской среде? Нет, конечно! О подаче заявления для вступления в комсомол и мыслей не было. Но ведь стал! Его приняли! Ему поверили! Он больше не на обочине жизни, если собрание комсомола сочло его достойным быть в своих рядах. До самой ночи Николай бродил по набережным, а дома так и не смог заснуть в ту ночь.

В литературном кружке Николай Васильевич занимался с 1939 по 1941 год и, по всей видимости, не зря – в институтской газете «Политехник» были опубликованы его первые стихи. К великому сожалению, нам не удалось

найти газету с теми публикациями, но, надеемся, что когда-нибудь сможем это сделать.

Вот как писатель вспоминает о том периоде жизни: «...*Литературная студия при ЛПИ, руководимая писателем Александром Черненко (автором романов «Расстрелянные годы», «Моряна»), на занятия которой он приглашал Н. Тихонова, А. Прокофьева, В. Саянова, В. Шефнера, Е. Рывину...*»

Четыре студенческих года пролетели как один день. Николай старался взять от жизни всё, что давало развитие душе и телу, – диспуты и студии, библиотеки и театры, спорт и шахматы, одним словом – ввязывался в любое дело, в котором мог почерпнуть что-нибудь новое, интересное. К тому же за общественную работу он брался с большим желанием. Зная его ответственность, порядочность, человечность и просто душевность, студенты и преподаватели института доверяли ему по тем временам ответственные посты – так он был избран студентами и утверждён в должности (общественной, разумеется) руководителя комсомольского стрелкового кружка, профгруппоргом группы. В период выборных кампаний, как сказали бы сейчас, был одним из самых активных агитаторов.

Всё складывалось хорошо. Естественно, что после окончания четвертого курса Николай стал задумываться о дальнейшей жизни – как устроиться после окончания института, чем будет заниматься в свободное время. Возможно, задумывался и о семье. И это вполне естественно – в двадцать два года самое время. Но всё перечеркнула война...

Глава II

Через несколько лет после окончания войны, в июне 1975 года, Николай Васильевич вспоминал:

*«Великая Отечественная война размежевала жизнь надвое: до и после. Как и у всех людей моего поколения...».*³ Надвое... так ли уж надвое? И война ли? Первое разделение жизни, как мы уже знаем, произошло в 1930 году, когда семья была раскулачена и выслана на Кольский полуостров. Разделение того года, думается, было не менее страшным, чем военное.

В сорок первом Николай Васильевич, как и большинство молодых людей, стремился на фронт. Позже, в год тридцатой годовщины Победы, он так вспоминал то время:

«Мы ждали у дверей формировочного пункта ЛАНО (ленинградской армии народного ополчения) в студгородке ЛПИ на Лесном проспекте.

Нам отказали:

– Четвертый курс не берем...

А тут новая беда. Где-то в это же время, весной или летом сорок первого, старший брат Леонид, работавший механиком на ТЭЦ, был арестован. Нам, к сожалению, пока не удалось установить причину его ареста, но нетрудно предположить, что по памятной 58-й статье. А арест

³ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 78

брата мог привести к нежелательным последствиям и для Николая Васильевича. На его биографии и так было пятно, не отмоешься, – родители раскулачены и сосланы, а теперь ещё и брат арестован. И кто знает, как бы у него сложилась судьба, не уйди он на фронт.

Судьба сложилась так, что желание сбылось: «...Обстановка накалялась, и через неделю мы щеголяли в новых с иголки грубоватых гимнастерках и брюках хаки.

...Никогда не забуду дни и недели отступления вдоль северо-восточного берега Ладожского озера.

Мы сменили под Олонцом сильно потрепанную бригаду морской пехоты. А на завтра (это было в начале августа) – сразу в бой. И почти месяц – каждый день бои...

...Однажды утром выяснилось, что враг прорвался справа и занял села на единственной дороге для отступления.

Кто не испытывал чувства, что сзади, в тылу, у тебя враг, тот не поймет, какие большие и холодные мурашки могут бежать по спине...

...Впоследствии в составе 314-й стрелковой дивизии мне привелось стоять в обороне на Волховском фронте. Оборона – это, как шутили солдаты, лафа!

...Рождается тоскливое четверостишие. Я записываю его на газетном поле. Четверостишие замечает лейтенант Игнатенко, командир взвода связи. Ему любопытно прочитать. И Игорю Сенькову, солдату-связисту, любопытно.

И вот в связистской землянке вечерами встречаемся трое. Все – поэты и любители поэзии. У меня – карманный Лермонтов, у Сенькова – томик Маяковского.

Так возник импровизированный «поэтический салон».

...Ранним морозным утром 12 января 1943 года все вокруг загрохотало. Снег стал сереть... Наша дивизия с волховской стороны вторым эшелонам участвовала в прорыве блокады Ленинграда...

...Все участники прорыва блокады от имени Президиума Верховного Совета СССР были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

...Январь 1944 г. Через Ленинград, окраинными незнакомыми мне улицами, в вечернем полумраке форсированным маршем пришли к причалам Лисьего Носа.

Баржи... Неужели – в морской десант? Но мы – пехотинцы!

– Гру-узись! – команда вполголоса.

Как только мы оказались на барже, пришла крайняя усталость, сморил сон. Сколько прошло времени? Вот мы уже на Ораниенбаумском пяточке, который защищался 900 дней. Приказ:

– На Кингисепп!

С боями взяли город, продвинулись к реке Нарве и форсировали ее. Началось освобождение Эстонии... Дивизия стала называться 314-й Кингисеппской стрелковой дивизией.

...Последним этапом борьбы за Ленинград был прорыв летом 1944 года линии Маннергейма, наступление вдоль Финского залива и штурм 23-й армией Выборга. В освобожденном Выборге мне вручили партийный билет и орден Отечественной войны.

...А потом нас в теплушках перебросили на 1-й Украинский фронт, за Вислу – доколачивать гитлеровцев в Польше, Германии и Чехословакии».

Вот такие воспоминания о войне легли на бумагу в 1975 году, в год тридцатилетия Победы. Но воспоминания эти, нужно отметить, весьма скромные, беглые и поверхностные. В тех записях, которые предназначались для широкого круга читателей, Николай Васильевич, из скромности или по каким-то другим причинам, не заходил глубоко, не открывал душу. В архиве остались наброски, которые, по всей видимости, никому не должны были попасть в руки. В них-то он несколько глубже говорит о ситуации на фронте и о своём душевном состоянии. Вот фрагменты записи, сделанной зимой 1968 года: «...На реке Сивирь попали в окружение... лейтенанта убили, а у меня в петлицах два треугольника – сержант, мне и пришлось принимать командование ротой на себя. А от роты, из 45 человек, осталось только 18... Три дня мы плутали, попадая под обстрелы, голодая... потом нашли лодку и стали переплывать через реку по три человека, большие бы лодка не выдержала, потонула... мне, как командиру, пришлось оставаться на последний рейс, и такая взяла тоска, думал, всё, конец мне... только под самое утро настал черед плыть и мне и уже перед самым берегом немцы нас заметили и открыли по нам огонь. Но ничего, мы успели причалить...»⁴

Мы можем только догадываться, в какую коловерт попал Николай Васильевич со своими бойцами, добравшись до частей Красной Армии. По закону военного времени все, кто побывали на оккупированной немцами территории (неважно, как долго), попадали под подозрение и долго проходили проверку на предмет вербовки врагом. Тем более человек с таким прошлым, как у Николая Васильевича. Это мы сейчас понимаем, что не были его родители кулаками, а значит, и на него тень была зря брошена. И брат его вряд ли мог принести вред государству. Но время тогда было иное, и на тех, кто когда-то был раскулачен или у кого родственники, особенно близкие, были арестованы, смотрели не просто с подозрением, а враждебно. У Николая Васильевича, видимо, были хорошие небесные покровители, и недолгое пребывание в тылу врага прошло для него без серьёзных последствий.

На войне как на войне – стреляют, убивают, кто-то выбывает, приходят новые бойцы. На фронте, как и в мирной жизни, случается, что выбывшему бойцу с редкой профессией очень сложно найти замену быстро. Подобное произошло и в дивизии, в которой воевал Николай Васильевич. В штабе дивизии для чертёжников было срочное задание (на войне все задания срочные), а специалистов, знавших дело, не доставало. И Николай

⁴ КГКУ ГААК, Ф. 1383, оп. 2, д. 95

Васильевич со своим техническим образованием оказался в Первом отделении штаба дивизии в должности писаря-чертёжника.

Его умение оперативно и хорошо обдуманно выполнять поставленные задачи, способность находить единственно верное решение в самых запутанных и сложных ситуациях и делах, готовность взять на себя ответственность, понравились командованию, и в декабре 1942 года его назначили на должность комсорга штаба дивизии. Перед назначением биография кандидата тщательно изучалась спецслужбами, с ним проводились различные собеседования, в ходе которых, очевидно, были и вопросы с подвохами, провокационные. А как же иначе? Ведь фронт, штаб дивизии.

Первая боевая награда, медаль «За оборону Ленинграда», Николаю Васильевичу была вручена 6 июля 1943 года командиром 314-й стрелковой дивизии полковником Алиевым И. М. (серия О, № 02023).⁵ С того же 1943 года служба Николая Васильевича проходила в штабе дивизии, но это не означало, что в боевых действиях он не участвовал и на передовой не бывал. Бывал и довольно часто, потому как дивизия всю войну входила в действующую армию (только дважды – в сентябре 1942 года две недели и в декабре 1944-го – 19 дней, в период передислокации, не входила). Остальное же время – на передовой. В штабе он служил писарем-чертёжником, чертёжником, старшим писарем-чертёжником, топографом и по долгу службы большую часть времени находился на переднем крае. Вот как о нём сказано в наградном листе от 28 февраля 1944 года: *«Кр-ц Павлов, исполняя должность старшего писаря-чертёжника I-го отделения штаба дивизии, проявил себя дисциплинированным и способным работником, в совершенстве овладел делопроизводством, умеет четко, грамотно и культурно оформлять оперативные документы.*

В боях под Нарвой в феврале 1944 г. в связи с выбытием дивизионного топографа отлично исполнял его обязанности в течение более м-ца. Т. ПАВЛОВ в течение 1,5 года является комсоргом штаба дивизии и отлично справляется с политико-воспитательной работой среди комсомольцев.

В боях по прорыву линии Маннергейма и за освобождение г. ВЫБОРГ в самых сложных условиях марша и боев обеспечил выполнение своей работы и помогал выполнять работу выбывшего по ранению помощника начальника I-го отделения, проявив при этом способность, умение и настойчивость.

*Достоин награждения орденом Отечественной войны II/ой степени».*⁶

Подписал начальник штаба 314-й стрелковой Кингисеппской дивизии полковник Гончарук.

В июне 1944 года Николай Васильевич был награждён орденом Отечественной войны II степени. Наградной лист подписан начальником штаба дивизии полковником Челюсткиным.⁷

⁵ ЦА МО РФ, акт вручения медали «За оборону Ленинграда» от 06.07.1943, управление 314 СД

⁶ ЦА МО РФ, из наградного листа от 28.02.1944, 314-й стрелковой Кингисеппской дивизии

В следующем наградном листе сказано так: *«Павлов Николай Васильевич, работая чертёжником штадива, к работе относится самоотверженно, при выполнении заданий командования выполняет работы, не считаясь с временем, к своим обязанностям относится честно и всегда выполняет добросовестно.*

Топографически грамотный, выезжая на передний край оказывает практическую помощь командирам подразделений в нанесении обстановки, уточнении переднего края и расположении огневых средств.

*Достоин правительственной награды – ордена «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».*⁸

Следующий наградной лист Николая Васильевича датирован 16 мая 1945 года, обоснование награждения: *«Павлов Николай Васильевич, работая чертёжником штадива, к работе относится хорошо, при выполнении заданий командования выполняет работы, не считаясь с временем, к своим обязанностям относится честно и всегда выполняет добросовестно. Тов. Павлов в отечественной войне с июля 1941 года. Топографически грамотен. В боях при прорыве обороны противника на зап. берегу р. Одер и на рубеже зап. ГРОТКАУ выезжал в части и оказывал практическую помощь командирам подразделений, уточнял передний край и расположение огневых средств противника.*

За образцовое выполнение заданий командования т. Павлов достоин Правительственной награды – ордена «Красная Звезда».

Наградной лист подписал заместитель начальника штаба дивизии майор Рогозин.

Но с этой наградой вышел непонятный для нас поворот. Как указано выше, наградной на «Красную Звезду» оформлен 16 мая, а двумя днями позже, 18 мая, командование подписывает приказ № 037-Н, в котором старший сержант Павлов Николай Васильевич, стрелок комендантского взвода управления 314-й стрелковой Кингисеппской ордена Кутузова II степени дивизии, награждается медалью «За боевые заслуги».⁹ Получается, у Николая Васильевича было два ордена «Красной Звезды»?

Конечно, по сухим описаниям из наградных листов невозможно создать полную и колоритную картину армейской жизни Николая Васильевича, а дневников он не вел. Но, по крайней мере, мы имеем возможность узнать, что он не отсиживался в штабе.

Последним сражением, в котором 314-я дивизия приняла участие, стала Пражская операция, проходившая с 6 по 11 мая 1945 года. В ней дивизия была задействована в Судетской операции.

Фронтной период жизни Николая Васильевича отмечен не только боями, наградами, выездами на передовую, но и рядом других событий, не связанных с войной. Одним из них является вступление в ряды КПСС в июле

⁷ ЦА МО РФ, из наградного листа от 23.06.1944, 314-й стрелковой Кингисеппской дивизии

⁸ ЦА МО РФ, из наградного листа от 28.02.1945, 314-й стрелковой Кингисеппской дивизии

⁹ ЦА МО РФ, из наградного листа от 16.05.1945, приказа от 18.05.1945 № 037-Н действующей армии

1944 года (партийный билет № 00355495). Вступить в партию на фронте было делом почётным.

Вторым важным событием стало знакомство с будущей супругой Антониной Михайловной Сандуловой – ефрейтором полевой почты. Когда, где и при каких обстоятельствах состоялось их знакомство, история умалчивает. Но судьбоносная встреча состоялась, и две жизни соединились в одну.

Летом 1945 года, после демобилизации, Антонина Михайловна вернулась в Москву на родной автозавод им. Сталина, где работала до войны. Некоторая информация о семье Антонины Михайловны. Сундаловы – крестьяне волостного села Алешковичи Севского уезда (ныне Суземского района) Брянской области. В 1933 году, после похорон отца, спасаясь от голода, одиннадцатилетняя Антонина с тремя сестрами сумели перебраться в Москву. Там она устроилась работать на 1-й государственный автомобильный завод имени Иосифа Виссарионовича Сталина и училась в вечерней школе. Летом 1942 года Антонина ушла добровольцем на фронт.

Вернёмся в май 1945 года. 29 мая вышла директива Ставки ВГК № 11096 о расформировании дивизии. Процесс этот занял несколько месяцев, и на гражданку Николай Васильевич вышел в начале октября. Жизнь предстояло начинать с нуля – ни дома, ни квартиры, ни профессии. К тому же Антонина готовилась стать матерью. И всё же на семейном совете было принято решение, что Николаю Васильевичу нужно обязательно окончить институт. Решению уехать Николаю Васильевичу в другой город учиться поспособствовало то обстоятельство, что рядом с Антониной находились сёстры, было кому присмотреть и помочь в случае необходимости.

Глава III

30 октября 1945 года приказом № 659 по Ленинградскому политехническому институту Николай Васильевич был восстановлен в институте на четвёртый курс. В общежитии на ул. Прибытковской, 18, получил койко-место. Учёбу приходилось совмещать с хозяйственной деятельностью в институте – восстановление после военной разрухи большинства аудиторий и лабораторий велось силами студентов и сотрудников института, но не в ущерб учёбе.¹⁰

С фронта Николай Васильевич вернулся с чётко обозначенной целью – получить специальность инженера и проявить себя на литературном поприще. В январе 1973 года он сделал такую запись: «...Сразу после войны мне хотелось (я считал своей обязанностью) написать повесть о моих сверстниках в войне. Написал листов пятнадцать и бросил (рукопись, вероятно, не сохранилась). Появились впечатляющие произведения мастеров нашей литературы о войне В. Некрасова, К. Симонова, Э. Казакевича,

¹⁰ Данные предоставлены зав. научно-методическим сектором музейного комплекса Петра Великого Л. А. Юрковской

*Б. Полевого, В. Кожевникова. Справедливо счёл, что мои литературные опыты несолидны. Писал в Ленинграде, будучи студентом последнего курса ЛПИ...».*¹¹ Где только находил время и силы писать? Занятия, работа на восстановлении института – всё это поглощало весь день и вечер. Ещё требовалось время на самоподготовку. В комнате жили вчетвером. Кажется, ни условий, ни времени, ни возможности для литературного труда нет. Но ведь писал! Возможно, именно тогда у него и выработалась манера, находясь в окружении людей, среди разговоров уходить в себя и писать, прижав листок к колену.

В 1946 году, четвертого января, в семье Павловых родился первенец – сын Владимир. На несколько дней Николаю Васильевичу удалось вырваться из института, поехать в Москву и с головой погрузиться в приятные семейные хлопоты.

В Ленинграде, ещё с ноября 1945 года, он начинает разыскивать семью старшего брата и налаживать связь с отцом. С семьёй Леонида оказалось сложно – по старому, довоенному адресу, о них ничего не знали. Но многомесячные поиски не пропали даром, Николай Васильевич разыскал племянника, сына старшего брата, Анатолия. По стечению обстоятельств мальчишка находился в детском доме. Николай Васильевич без раздумий решил забрать к себе племянника. Не сразу, конечно, но когда окончит институт и поедет работать по распределению. Пока же он каждый выходной приходил к Анатолию, и они шли гулять по городу. Мальчишка, несколько лет проживавший в детском доме и практически не помнивший Николая Васильевича, держался замкнуто. Время, открытость и ненавязчивость Николая Васильевича смогли отогреть детскую душу, и Анатолий согласился поехать с дядей.

Были сложности и в восстановлении контакта с отцом. Написать письмо? Куда – на деревню дедушке? Сделать официальный запрос? Во втором варианте необходимо было указать степень родства. Но это могло угрожать учёбе в институте и всей дальнейшей жизни, которая теперь принадлежала не только ему. Жить, не зная, что с отцом, Николай Васильевич не мог и направил запрос в НКВД. На удивление адрес отца нашли быстро, и ответа на первое письмо Николай Васильевич ждал с огромным нетерпением. Да и будет ли он, ответ? Письмо от отца, хотя и ждал его Николай Васильевич ежедневно, пришло неожиданно. Конверт со знакомым почерком Николай Васильевич вскрывал с волнением. Отец, как всегда, сдержан – никаких жалоб, всё у него нормально: от работ по старости освободили, пенсион платят, живёт в комнате один. Переписка была не активной, но регулярной.

В начале декабря 1946 года Николай Васильевич получил письмо с незнакомым почерком и штампом Кировска и от предчувствия нехорошей вести по сердцу прошёл неприятный холодок. Незнакомый человек, называвший себя товарищем отца, сообщал, что 24 ноября Василий

¹¹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 78

Гаврилович скончался от туберкулёза. Похоронили его 26 ноября. Скорбь заполонила душа Николая Васильевича – почти десять лет он не видел отца и не смог похоронить его. И отец ни в одном письме и словом не обмолвился о болезни...

Жизнь шла своим чередом. В октябре 1946 года институт перешёл в подчинение Минвуза СССР и получил право работать по собственным планам и программам. Это сказалось на качестве подготовки и расширило масштабы учебного процесса. В марте 1947 года в институте было создано первое научно-техническое общество студентов, в которое вошёл и Николай Васильевич. Его от природы пылкий ум рвался на передовую, где можно было экспериментировать, совершенствоваться, делать открытия. Пусть пока в стенах института, но это были наработки для производства, на котором он в скором будущем намеревался оказаться.

Ещё во время учёбы Павлов был наслышан о Таганрогском котлостроительном заводе и настроился ехать только туда. Но судьба распорядилась иначе – в Барнаул. Для Николая Васильевича это было шоком – на край страны, в Сибирь, в глухомань! Не могло изменить настроение даже то обстоятельство, что Барнаульский котельный завод был создан на базе эвакуированного из Ленинграда Невского машиностроительного завода им. В. И. Ленина, и работало там много ленинградцев. Для Николая Васильевича «ссылка» в Барнаул звучала как приговор научной работе и литературной деятельности – какая, к чёрту, наука и литература в такой глуши! Вот Таганрог – да! Европейская часть страны, море, бархатный климат... Город Чехова. Барнаул – снег по самые уши, морозы лютые, медведи и лоси на улицах.

В Москве, в главке, он больше недели обивал пороги чиновников, пытаясь изменить направление, но тщетно.

Донельзя огорчённый, Николай Васильевич, собрав нехитрые пожитки, с супругой, полуторагодовалым сыном Владимиром и десятилетним племянником Анатолием двинулся на Алтай с твёрдой уверенностью – отработает, сколько положено, и – в Таганрог.

Глава IV

Общественная и производственная деятельность Николая Васильевича, в отличие от литературной, описана скупо. Сводится всё к сухому перечислению основных вех биографии. Прошёл путь от рядового конструктора до главного, автор девяносто четырёх научно-технических статей, четырнадцати изобретений, доктор технических наук, был депутатом, участвовал в работе такой-то конференции. На самом же деле производственная и общественная жизнь Николая Васильевича была весьма насыщенной и разносторонней, и мы по мере сил постараемся в нашем очерке подробнее рассказать об этой стороне жизни Николая Васильевича Павлова.

Итак, семья Павловых приехала в Барнаул. Извозчик доставил их на окраину города, до здания конторы котлостроительного завода. Производственные строения, контора, жилые бараки соцгородка (находился он в границах улиц Северо-Западной и Ткацкой, проспектов Космонавтов и Ленина) сильно напоминали Николаю Васильевичу далёкий Хибиногорск – почти такие же постройки на скорую руку и с такими же удобствами.

Молодого специалиста Павлова на заводе ждали. После окончания войны многие ленинградцы стали возвращаться в родной город, и это сильно прореживало строй инженеров-котлостроителей. Павловым выделили комнатку в бараке (5-й Технический проезд, дом № 9, квартира № 4)¹², помогли продуктами на первое время, до получения талонов. Жизнь потекла в новом режиме – Николай Васильевич целые дни проводил в конструкторском отделе, супруга занималась детьми. Все вместе встречались поздним вечером да в воскресенье, и то не всегда. Котельный завод расширялся, наращивал обороты, и Николай Васильевич как инженер, любивший своё дело всей душой, постоянно находился в центре производственных событий.

Несколько слов о том, в каких условиях пришлось работать молодому специалисту: *«В полутёмном с низким дощатым потолком помещении сидело тридцать-сорок человек. Ни единого кульмана, ни одной приличной готовальни. Даже логарифмических линеек не хватало, рейсшина на шпигате с роликами – верх конструкторского комфорта...»*.¹³

Его активная натура, способность вдумчиво и взвешенно подходить к решению любых вопросов понравились не только руководству завода, но и товарищам по работе, и в октябре 1948 года его избрали в состав партийного комитета завода. Это была первая ступень общественной деятельности. Заседания парткома проводились еженедельно, а то и чаще. Любой более-менее серьёзный вопрос, связанный с производственной деятельностью, бытом тружеников завода и дисциплиной на предприятии, рассматривался на заседаниях парткома.

О семье. В пятницу 29 октября 1948 года в семье Павловых родилась дочь Нина. Радость огромная. Как говорится, полный комплект – и сын, и дочь.

На заводе рабочий ритм был настолько высок, что нередко обед сокращался до десяти минут – открывались новые цеха, участки, осваивалась новая продукция, вводилось новейшее оборудование. В стране возрастал спрос на продукцию котельного завода не по годам, а по месяцам.

В 1949 году Николай Васильевич получил первое повышение по службе – был назначен старшим инженером-конструктором. С этого времени он становился ответственным не только за свою деятельность, но и за работу группы конструкторов. Тогда же Николай Васильевич защитил первое

¹² КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

¹³ Юдалевич М. Годы и люди /Сибэнергомашу – 50 лет/ – Барнаул: издательство «Алтайская правда». 1992. – с. 76-77

авторское свидетельство. К сожалению, в документах не сохранилось описание сути изобретения, но, думается, что это был не пустяк. В те времена за мелочи авторское свидетельство не выдавали.

Произошли изменения и в семье. В 1951 году 24 января, в среду, родился второй сын – Николай. А в начале лета племянник Анатолий принял решение вернуться в Ленинград, к родственникам матери. Это по нынешнему времени в пятнадцать лет мальчик еще может считаться ребёнком. Военное поколение взрослело быстро, и парень сознавал, что он стеснял семью Павловых, и родственникам трудно было жить на одну зарплату.

По решению администрации завода и месткома, семье Павловых наконец-то выделили полноценное жильё, они переехали в новую двухкомнатную благоустроенную квартиру в дом № 137 на проспекте Ленина. После барака это был райский уголок: ванная, санузел, центральное отопление... И для детей отдельная комната!

В сентябре 1951 года в Доме культуры Барнаульского меланжевого комбината состоялась первая краевая конференция сторонников мира. От котлостроительного завода делегатом был Николай Васильевич. На той же конференции он был избран в краевой комитет защиты мира – второе, так сказать, направление общественной деятельности. Работа, хоть и на общественных началах, но требовала серьёзной самоотдачи. Сюда входили выступления в рабочих коллективах, написание докладов, статей, и, естественно, необходимость быть в курсе международной обстановки.¹⁴

В комитете защиты мира судьба свела Николая Васильевича с интереснейшим человеком – Михаилом Афанасьевичем Лисавенко, руководителем Алтайской опытной станции садоводства (с 1973 года – НИИ садоводства Сибири). У них было много общего – оба жизнелюбы, оба любили своё дело и оба интеллектуалы. Это, видимо, и сблизило их, невзирая на разницу в возрасте – двадцать один год. Когда встречались, а это, к сожалению, происходило не часто, беседовали подолгу на разные темы.

В 1952 году, возглавив краевой комитет защиты мира, Михаил Афанасьевич собрал вокруг себя деятельных и грамотных людей, в круг которых вошёл и Николай Васильевич. Возможно, именно тогда и состоялось их сближение. Но не будем строить догадки, а обопрёмся на факты. В начале декабря того же года в Москве планировалось проведение I Всесоюзной конференции сторонников мира. От Алтайского края были два делегата – Лисавенко и Павлов. Случайно? Нет. Думается, склад характера, вдумчивость, скромность и хорошая база знаний молодого инженера и начинающего литератора импонировали Михаилу Афанасьевичу, и он рекомендовал Николая Васильевича на Всесоюзную конференцию сторонников мира. Авторитет Михаила Афанасьевича уже был высок, да и о Николае Васильевиче в крайкоме партии немного, но были наслышаны.

¹⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 89

Крайком одобрил кандидатуру.¹⁵ Две недели бок о бок в поезде, гостинице, на конференции ещё больше сблизил земляков.

Интересна ещё одна деталь – у обоих отцы были репрессированы. Михаил Афанасьевич с наступлением хрущёвской оттепели стал добиваться реабилитации своего отца и добился – в 1958 году его отец был реабилитирован, а в 1959 году Михаил Афанасьевич вступил в партию. О реабилитации отца Николая Васильевича Павлова данных найти не удалось.

Вернёмся к общественной деятельности Николая Васильевича. После возвращения из Москвы с конференции сторонников мира, он был вызван в крайком партии, где узнал, что «есть мнение о выдвижении его кандидатуры на выборах в Алтайский краевой Совет депутатов трудящихся». Для Николая Васильевича, конечно, эта новость была ошеломляющей. Не в районный Совет, не в городской, а сразу в краевой! Будучи человеком самокритичным и скромным, Павлов сомневался: «А справлюсь ли?» В крайкоме сомнения рассеяли – справитесь, поможем.

В марте 1953 года Николая Васильевича избрали депутатом Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся. А спустя несколько месяцев назначили начальником котельного отдела СКБ завода.¹⁶ Нужно ли говорить о том, какая ответственность и нагрузка легли на плечи Николая Васильевича? Колоссальная! Депутат послевоенного периода имел загруженность не менее любого специалиста, ну а о начальнике отдела завода вообще речи нет – ответственность не только за себя и свои дела, но и за дела каждого подчинённого.

И это ещё не всё. В том же 1953 году Павлов взял на себя ещё одно весьма ответственное дело – при детской библиотеке Дома культуры завода транспортного машиностроения был создан литературный кружок и руководить им попросили Николая Васильевича. Он не смог отказать. Организационное собрание и открытие кружка состоялось 20 декабря.¹⁷ В день рождения Николая Васильевича. Вместо того чтобы принимать поздравления, пить чай в семейном кругу, Николай Васильевич занимался организацией литературного кружка. Почему? Потому, что человек он был неравнодушный и жил не для себя – для общества. Его жизненное кредо – как можно больше отдавать людям, особенно детям.

А что такое в начале шестидесятых литературный кружок при библиотеке? Это десятки беспокойных молодых людей, уверенных, что отмечены особым талантом, все – будущие Пушкины, Толстые, на худой конец – Вознесенские и Евтушенко. Каждую рукопись Николай Васильевич как человек ответственный и добросовестный вычитывал и работал с автором.

¹⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 89

¹⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 32

¹⁷ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 2

Итак, давайте итожить, что входило в круг ответственности Николая Васильевича к концу 1953 года: конструкторский отдел, комитет защиты мира, депутатская работа и литературный кружок. Не забудем о семье из пяти человек. И о том, о чём еще не говорилось, но что подробно будет рассмотрено в следующей главе – литературная деятельность. Серьезный такой круг обязанностей. И человек за этим перечислением забот встает не рядовой.

О семье. Осенью 1953 года Николай Васильевич отвёл в первый класс сына Владимира. В семье это был праздник – первый школьник! Николай Васильевич сам оборачивал учебники, подписывал тетрадки. Но сразу предупредил – первый и последний раз. Нужно заметить, что Николай Васильевич с Антониной Михайловной хотя и любили очень детей, но держали в строгости. С самых ранних лет приучали к труду и самостоятельности.

В начале 1954 года семья Павловых вновь поменяла адрес – переехала в двухкомнатную квартиру № 4 в дом № 85 на проспекте Ленина. Метров в квартире не стало больше, но место было несравненно более удобное и замечательное – площадь Сталина (с 1956 года Октябрьская площадь). На площади проходили все государственные праздники, включая майскую и ноябрьскую демонстрации. Самое сердце города, центр. Как сказали бы сейчас, статусное место.

Производственная деятельность Николая Васильевича тоже складывалась удачно. Накапливая опыт, он начал использовать его в различных направлениях – экономика, усовершенствование технологии, внедрение оборудования и, самое главное, модернизация выпускаемого оборудования. Трудовая копилка пополнялась рационализаторскими предложениями и авторскими свидетельствами. В канун праздника седьмого ноября руководство родного завода наградило его почётной грамотой «За достигнутые высокие производственные показатели в соревновании».¹⁸ В те годы такая награда имела высокий статус, и заработать её было нелегко. Но для Павлова награды сами по себе были не так важны, как то, что плоды его творческого подхода приносили пользу предприятию, влияли на качество продукции.

В начале 1957 года в биографии Николая Васильевича происходят изменения – его назначают заместителем главного конструктора завода. Повышение в должности повлекло и расширение зоны ответственности. А в марте его в третий раз избирали в краевой Совет депутатов трудящихся.

Накануне назначения на новую должность, 18 февраля 1957 года, инженера-конструктора Павлова за активное участие в работе газеты «Алтайская правда» наградили почётной грамотой исполкома Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся и бюро краевого комитета партии.¹⁹ Так были отмечены его статьи, информации, консультации для журналистов

¹⁸ БКЗ, приказ № 209 от 05 ноября 1954 года, КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 3

¹⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 3

и многое другое. Из плотного ритма жизни Николай Васильевич непонятно как находил время и для газеты. Удивительно, но факт.

Несколько слов о депутатской деятельности. В 1957 году к Павлову как к депутату обратился рядовой работник Барнаульского меланжевого комбината. Обращение датировано 21 августа. Человек просил похлопотать о квартире для его семьи. На его иждивении были жена с тремя детьми и мать-инвалид, которые все вместе размещались в одной комнате в бараке с печным отоплением. И хотя в очереди на жилье меланжист числился, но понимал, что ждать ему пришлось бы лет пять-десять. Не откладывая дело в долгий ящик, Николай Васильевич уже 24 августа написал директору меланжевого комбината депутатский запрос с просьбой улучшить труженику жилищные условия. Запрос возымел действие, и уже 27 октября того же года рабочий написал письмо депутату Павлову – ключи от новой благоустроенной квартиры его семья получила.²⁰

В 1957 году Николай Васильевич начал работу над диссертацией. Работать приходилось в основном в служебном кабинете. Дома было трудно сосредоточиться, да и материал весь на работе. Хотя, как вспоминает старший сын Владимир, Николай Васильевич мог писать, даже если у него кто-нибудь из детей сидел на плечах.

О семье. В марте 1959 года семья Павловых снова переехала. В трехкомнатную квартиру по адресу: ул. Дёповская, 18, кв. 40. Наконец-то Николай Васильевич смог оборудовать для себя письменный уголок!

После окончания депутатских полномочий в марте 1959 года на районной конференции КПСС Николая Васильевича избирают членом бюро Октябрьского райкома партии. Как говорится, из огня да в полымя. Но ничего не поделаешь, партия сказала – надо, значит, надо. И хотя Николай Васильевич не чурался общественной работы, но, думается, она его не особо радовала, потому что отвлекала от любимой работы и литературы.²¹

К тому же в ноябре 1959 года Николая Васильевича назначают главным конструктором завода.²² Теперь на его плечах лежала ответственность за все конструкторские разработки огромного производства. А это требовало колоссальных знаний не только в своей области, но и в сфере законодательства, экологии, необходимости быть в курсе отечественных и зарубежных разработок.

В декабре 1959 года Николай Васильевич был избран членом ТЭС (технико-экономический совет) Алтайского совнархоза, заседания которого проводились ежеквартально.²³

Тогда же, в декабре 1959-го, на очередном заседании краевого комитета защиты мира Павлова избирают членом президиума комитета и делегатом от Алтайского края в Москву на Всесоюзную конференцию 15-16 февраля 1960 года.

²⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 4

²¹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

²² КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

²³ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

Вернувшись с конференции, Николай Васильевич, как говорится, попал с корабля на бал – был избран делегатом от Алтайского отделения Всесоюзного общества «Знание», в котором состоял с 1954 года, на VI съезд ВО «Знание» РСФСР, проводившийся опять же в Москве.²⁴

Это была огромная общественная нагрузка. В комитет защиты мира, в общество «Знание», в ТЭС совнархоза края он был избран не для количества или веса как главный конструктор мощного завода, а как человек всесторонне развитый, творчески одарённый, равнодушный, грамотный, не только имевший своё мнение, но и способный его высказать и отстаивать на любом уровне.

Съезды, конференции, президиумы, заседания в различных комитетах и обществах, всё это, конечно, было интересно, но отвлекало от основного дела – конструкторского и создавало помехи в работе над диссертацией. Кстати, над диссертацией Николай Васильевич работал в родном ленинградском институте, с которым сохранил тесную связь до последних дней.

К сожалению, в воспоминаниях родных сохранилось мало информации о каких-либо житейских фактах в период с 1959 до 1963 года. Была ведь, наверное, какая-нибудь семейная история, домашние события. Даже исходя из того, что мы смогли извлечь из сухих строк официальных документов, можно с уверенностью сказать, что жизнь его была насыщенной и напряжённой – общественная работа в нескольких направлениях, завод, литература, диссертация и, конечно же, семья – уплотняли время так, что и комар носа не мог просунуть. Но сам он по молодости лет тяжести уплотнённого времени пока не ощущал и по-другому, видимо, жить не умел. Никто из детей не помнит его празднично сидящим – всегда либо с книгой, либо над расчетами и чертежами, либо за рукописью. Семья ложилась спать – Николай Васильевич работал, вставали – он уже выходил на работу. Мало времени оставлял на отдых, трудился на износ.

С июля 1961 года к тем делам и заботам, в которые Николай Васильевич был погружён с головой, добавилось ещё одно ответственное дело. Государственный комитет Совета министров СССР по автоматизации и машиностроению 17 июня 1961 года письмом № 10-13-308 официально уведомил Павлова о том, что он утверждён членом постоянной комиссии по паровым котлам секции энергетических машин. Подписал документ заместитель председателя ТЭС П. Горемыкин.²⁵ И хотя это тесно связано с непосредственной работой, нового ничего не приходилось изучать, но чем-то вновь приходилось жертвовать.

Не получалось у Николая Васильевича стоять в стороне и от партийной жизни. Так, в сентябре в 1961 года он, как член партийного комитета завода, был делегирован на XIX городскую партийную конференцию с правом

²⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

²⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

решающего голоса.²⁶ Партком и конференции, а также подготовка к ним тоже требовали времени и сил.

На заводе шла напряжённая работа по внедрению мощного осевого дымососа ДО-31,5, начиналось производство высокоэкономичных вентиляторов с КПД 84-86%, и главный конструктор, конечно же, находился в центре событий. Первый дымосос ДО-31,5 был выпущен в 1962 году. Ещё конструкторский аппарат завода занимался сложнейшими разработками оборудования для атомных электростанций. Каждое ответвление деятельности завода требовало от главного конструктора максимум внимания и концентрации. В особенности разработка оборудования для атомных электростанций, негласным куратором которой были спецслужбы.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата наук состоялась 29 января 1963 года в Ленинградском политехническом институте.²⁷ В архиве темы диссертации не нашлось, а на запрос в институт нам ответили, что это является великой государственной тайной, которую могут знать только близкие родственники соискателя. Впрочем, тема диссертации не так уж и важна. В нашем очерке главное показать Николая Васильевича как личность не только грамотную, но и целеустремлённую, с недюжинной работоспособностью.

Итак, диссертация была защищена, и, казалось бы, камень с души упал. Но не совсем. Обычно после защиты в течение года диссертация проверялась ВАКом (Высшей аттестационной комиссией), а затем соискателю присваивалась учёная степень. В случае с Николаем Васильевичем система дала сбой. Степень кандидата технических наук была присвоена Николаю Васильевичу только через пять лет(!), в 1968 году.²⁸ В связи с чем была такая задержка? Ради сохранения исторической сути мы сделали ряд запросов, но выяснить причину так и не получилось...

Барнаульский котельный завод, а стало быть, и Николай Васильевич, с 1962 года (начала строительства) и до выпуска первой продукции принимал активное участие в строительстве, монтаже и пуске азотно-тукового завода и атомной электростанции в Болгарии.

В начале февраля 1963 года, вернувшись из Ленинграда после защиты диссертации, Николай Васильевич попал в новое русло общественной работы. 13 февраля его избрали членом крайкома КПСС.²⁹ О важности и ответственности работы в крайкоме партии, наверное, нет нужды говорить – высший орган правления края, и этим всё сказано. Для того чтобы у читателей не сложилось мнение, что члены крайкома избирались для галочки, приведём один пример. В 1964 году в крае шла подготовка IX пленума крайкома КПСС, а перед этим в каждом районе Алтая должны были состояться заседания парткомов, райкомов и горкомов. И каждый член крайкома курировал работу парткомов закреплённого за ним района.

²⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

²⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

²⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 78

²⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

Николай Васильевич как член комиссии по подготовке проведения Пленума занимался этой работой на предприятиях Октябрьского района Барнаула.³⁰ А это означало, что Павлов должен был проконтролировать ход каждого заседания, проследить, чтобы максимально точными были протоколы, чтобы голосование на местах проходило строго по регламенту, без нарушений. Трудно даже представить, как Николай Васильевич умудрился втиснуть все эти заседания в свое и без того перегруженное расписание.

Но и это еще не всё! Опять-таки на общественных началах Николай Васильевич принимал активное участие в создании кафедры парогенераторостроения, теплотехники и гидравлики в Алтайском политехническом институте им. И. Ползунова. И эту работу тоже считал очень важной – котельному заводу позарез нужны были свои, доморощенные специалисты. До сих пор инженерные кадры пополнялись за счёт приезжих. И чаще всего это были выпускники вузов из-за Урала. Они приезжали по распределению, отработывали положенный срок и возвращались домой. Конечно, кто-то приживался на Алтае, но потребность в специалистах оставалась острой. И вот эту проблему, как понимал Николай Васильевич, могли закрыть собственные кадры с новой кафедры политеха.

Ещё один штрих из производственной жизни Павлова. В июле 1964 года на заводе состоялось большое событие. Прибыл посол Народной Республики Болгария Стоян Караджов. Прямо на заводской площади растянули огромную географическую карту, на которой от Барнаула во все стороны расходились яркие стрелки. Они показывали международные связи котельщиков. На площадке собрались рабочие завода, а на импровизированной трибуне, затянутой, как и полагалось в те годы, красной материей, – руководство завода и посол Болгарии в СССР. Он зачитал Указ Президиума Народного Собрания НРБ о награждении Барнаульского котельного завода орденом «Красное Знамя Труда» за техническую помощь в строительстве и пуске азотно-тукового завода и ТЭЦ «Марица Восток-1» и прикрепил орден на заводское Красное знамя. В этой награде была частица труда Николая Васильевича.

О семье. В 1964 году из семейного гнезда Павловых вылетел первый птенец – сын Владимир. После окончания средней школы № 25 он поступил учиться в Новосибирский государственный университет. Жизнь шла своим чередом...

1966 год для Николая Васильевича стал знаковым – была получена первая государственная награда – орден Трудового Красного Знамени. Многолетний самоотверженный труд, несколько авторских свидетельств на изобретения были отмечены, и это не могло не радовать Николая Васильевича. Орден был вручен «за заслуги в развитии науки и техники, внедрении их новейших достижений в народное хозяйство, за изобретения и рационализаторские предложения, имеющие большое технико-экономическое значение». К ордену прилагались и солидные льготы, такие

³⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

как сокращение трудового стажа на одну треть для получения пенсии, ежемесячная выплата к заработной плате в размере 15 рублей, бесплатный проезд в трамвае во всех городах СССР, освобождение от подоходного налога, снижение квартирной платы от 10 до 50 процентов.³¹

В тот же год президиум Алтайского краевого правления Научно-технического общества «Машпром» в честь 100-летия со дня образования НТО наградил Николая Васильевича почётной грамотой (подписана 10 ноября 1966 года).³² Для Павлова почётная грамота НТО, думается, была тоже очень дорога, потому что отмечала его заслуги в научной деятельности.

А 23 октября 1967 года президиум Алтайского краевого правления НТО наградил Николая Васильевича за активную работу ещё одной почётной грамотой. И повод был солидный – в течение года было опубликовано четыре научные статьи и запатентовано авторское свидетельство.³³

С 20 по 24 августа 1968 года в Москве проходил VII конгресс мировой энергетической конференции, в котором приняли участие учёные СССР, Югославии, Болгарии, Китая, Ганы, ГДР, США, Румынии, Польши, Турции, Чехословакии и других стран. Принять участие в работе конгресса было делом почётным. От БКЗ такая честь выпала Николаю Васильевичу.³⁴ Конгресс проходил во Дворце съездов. Президентом МИРЭК был избран председатель советского национального комитета, министр энергетики и электрификации СССР, профессор Пётр Степанович Непорожний, ему же и было предоставлено почётное право открытия конгресса. Выступали: Я. Э. Калиберзинь (Латвия), президент мировой энергетической конференции доктор Коннолли, Е. Корчан (ЧССР), Э. Сакей (Гана), академик Б. К. Александров, председатель Национального комитета США У. Сислер. Делегаты конгресса посетили Нововоронежскую атомную электростанцию, реакторный зал, познакомились с работой Конаковской ГРЭС, посетили Ленинградский металлический завод, Братскую ГЭС. 24 августа в Кремлевском Дворце съездов на закрытие конгресса выступили Б. Бартошек (Польша), Б. Фируз (Турция), К. Вилчау (Румыния). Можно только догадываться какие впечатления привёз Николай Васильевич, какие интересные встречи, знакомства и разговоры происходили в кулуарах.

1968 год был для Н. В. Павлова юбилейным, пятидесятым. Но подводить итоги пройденного пути Николай Васильевич ещё не собирался, планов и заделов было множество. Казалось, то, что пройдено, не более чем начало большого пути и почин больших дел. На самом же деле часть великих дел уже была выполнена, а часть вершилась. И уже пришло, оказывается, всесоюзное признание, и научное сообщество высоко оценило его вклад.

О том, что работы Н. В. Павлова широко известны в учёных кругах, свидетельствовали поздравления, которые Николай Васильевич получил к

³¹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 78

³² КГКУ ГААК Ф. Р1393, оп. 1, д. 8

³³ КГКУ ГААК Ф. Р1393, оп. 1, д. 8

³⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 21

своему пятидесятилетнему юбилею. Это были памятные адреса, открытки, письма от коллег-учёных, от научных институтов, от промышленных предприятий и от зарубежных друзей. Ленинград, Москва, Ташкентское отделение ОРГРЭС, Чернигов, «Главкотлопром», «Промэнергопроект», энергетический институт, Алма-Ата, Томск, Омск, Донецк, Кемерово, а также из Народной Республики Болгария, Монгольской Народной Республики.³⁵ В общей сложности в архиве мы насчитали около трёх десятков поздравительных телеграмм. Хотя на самом деле их должно быть гораздо больше, не все поздравления попали в архив, какая-то часть, наверное, осталось дома и со временем была утеряна. Суть не в количестве поздравлений, а в том, что к пятидесяти годам Николай Васильевич, благодаря труду и любви к выбранному делу, смог стать известным и авторитетным учёным в области отечественного котлостроения.

В связи с пятидесятилетним юбилеем Николай Васильевич был награждён почётными грамотами Алтайского крайкома КПСС и исполнительного комитета краевого Совета депутатов трудящихся, даже заводские спортсмены и физкультурники отметились – вручили адрес от заводского Совета ДСО «Труд».³⁶ Труд и достижения были отмечены по заслугам. Чего же ещё желать? Было еще кое-что, о чем мечталось. Например, хотелось объективной оценки и элементарного уважения в другом любимом деле – литературе, но там, к сожалению... Впрочем, об этом мы поговорим в следующей главе.

Ещё в 1968 году Николай Васильевич участвовал в заводском социалистическом соревновании, проводимом ДСО «Труд», и по итогам, которые были подведены в феврале 1969 года, занял первое место, за что и получил почётную грамоту, датированную шестым марта 1969 года.³⁷

На заводе тем временем жизнь продолжала кипеть. За четыре года – с 1967 по 1970-й – был сдан в эксплуатацию цех блочной сборки, создана аэродинамическая станция, вступил в строй информационно-вычислительный центр с самой современной на то время в СССР ЭВМ «Минск-22».

Работая для большой энергетики, завод не забывал и о малых предприятиях и сёлах, остро нуждавшихся в центральном отоплении. Для этого в 1970 году предприятие освоило выпуск котлов малой мощности для сельского хозяйства (котел Е-1/9), а спустя три года перешло к выпуску котлов с газоплотными панелями.

Николай Васильевич по-прежнему был в гуще событий. Всё, что происходило на котельном заводе, проходило через конструкторское бюро. Значительное расширение производственных площадей и перечня выпускаемой продукции, контроль за работой выездных отделов на предприятиях СССР и в братских странах. Как всегда, много времени

³⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

³⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1393, оп. 1, д. 8

³⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1393, оп. 1, д. 8

поглощала общественная работа. Так, Николай Васильевич 23 января 1971 года был выбран делегатом на городскую конференцию КПСС от Октябрьского районного комитета КПСС. Позже его делегировали от БКЗ на Первую Алтайскую конференцию профсоюзов машиностроителей.³⁸ Постоянно в движении, в мыслях, поисках, открытиях, знакомствах.

16 августа 1971 года Алтайский краевой Совет ДСО «Труд» наградила Павлова почётной грамотой как одного из самых активных членов.³⁹ А ещё несколькими месяцами спустя, 18 января 1972 года, первый секретарь Октябрьского райкома партии Г. И. Скосырский вручил Николаю Васильевичу почётную грамоту за пропагандистское мастерство.⁴⁰

По воспоминаниям друзей и родных, Николай Васильевич был человеком степенным и вдумчивым, со стороны даже казался медлительным. Но впечатление было обманчивым. За день он успевал переделать невероятное количество дел, побывать в нескольких местах, встретиться и переговорить или обсудить вопросы не с одним десятком людей. Даже не беремся подсчитать, сколько дел было переделано, скажем, за месяц.

Для примера возьмём 1972 год. В Большом Кремлёвском дворце 20-22 июня состоялся VI съезд Всесоюзного общества «Знание». Делегатом от Алтайского краевого общества «Знание» был Николай Васильевич Павлов, ректор Народного университета технического прогресса.⁴¹ Заседания, встречи, экскурсии – время было спрессовано максимально. Но как бы плотно ни было забито расписание, перед провинциалами, как мы помним, всегда стояла ещё одна задача. Нужно было успеть пробежать по магазинам, скупая подарки, гостинцы, да и вообще то, что объединялось одним словом – дефицит. Дефицитом тогда было многое, если не всё, от зимних вещей до конфет и сосисок. Но вот когда умудрялся запастись подарками Николай Васильевич – непонятно. Ведь за те дни, когда проходил съезд, он несколько раз побывал в отраслевом министерстве, чтобы выбить что-то для завода, занес в редакцию журнала статью и договорился о публикации. А кроме того сделал наброски будущего доклада, потому что уже 4 июля на пленуме правления краевого общества «Знание» в Барнауле Николай Васильевич сделал развёрнутый отчёт о работе съезда и, будучи членом правления, предложил участникам пленума провести несколько мероприятий, связанных с решением съезда.⁴² Первого ноября того же года Общество наградило Николая Васильевича Благодарственной грамотой «...Павлова Николая Васильевича... ректора университета технического прогресса котельного завода, за активное участие в работе народного университета и в связи с 55-летием Великой Октябрьской Социалистической революции».⁴³

³⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

³⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1393, оп. 1, д. 8

⁴⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1393, оп. 1, д. 8

⁴¹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 31

⁴² КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

⁴³ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 14

В 1973 году в жизни Николая Васильевича начался новый виток деятельности – он стал преподавать на кафедре парогенераторостроения, теплотехники и гидравлики. Здесь уже упоминалось, как Павлов «приложил руку» к созданию такой кафедры и почему он считал это важным. Теперь на завод приходили хорошо подготовленные выпускники политехнического института. У вчерашних студентов была достаточная теоретическая база, но, оказавшись на производстве, они терялись. Вот эту связку теории с практикой, по мнению Николая Васильевича и руководства политехнического института, студенты и должны были получать ещё в процессе учёбы. Найти преподавателя с богатым опытом и глубокими знаниями производства было не легко, а Николая Васильевича в институте знали давно, потому ректор и попросил его поработать на кафедре. Учитывая производственную загруженность и общественную деятельность, Николай Васильевич сначала отказался, но потом всё-таки принял приглашение. Приказ ректора Алтайского политехнического института им. И. Ползунова № 1215 от 19 октября 1973 года §10. *«Тов. Павлова Николая Васильевича, кандидата технических наук, главного конструктора Барнаульского котельного завода, зачислить на должность доцента кафедры «Парогенераторостроение, теплотехника и гидравлика» с 1 октября 1973 года на 0,25 ставки с окладом 70 рублей в месяц. Основание: заявление тов. Павлова Н. В. с согласием зав. каф. тов. Фурсова И. Д., проректора тов. Троицкого Б. Б., разрешение Министерства МВ и ССО РСФСР».*⁴⁴ Почему именно Павлова ректор так настойчиво приглашал на кафедру? То, что у него была богатая практика и колоссальные знания, понятно. Но главную роль, на наш взгляд, сыграло то, что руководитель вуза знал: Николай Васильевич, будучи ответственным и добросовестным человеком, согласившись работать на четверть ставки, будет выкладываться на все 100%.

В 1974 году Николай Васильевич подвергся искушению – пригласили на должность главного конструктора на Белгородский котлостроительный завод. «Сватали» его и раньше с других заводов, но как-то всё происходило буднично – ему предлагали, он отказывался, на этом всё и заканчивалось. В это же раз заманивали настойчиво, и в ход шло всё – мол, европейская часть СССР, прекрасный бархатный климат, не то что в Сибири. Вблизи такие крупные города, как Курск, Воронеж, Харьков. Квартиру предлагали четырёхкомнатную, оклад повыше. Заманчиво. Но всё же Павлов отказался. Как он сам написал: *«...прикипел я душой к Алтаю... родина детей...»*. В тот же период он записал в тетради, как делит своё время: *«...7,5% на литературу, 7,5% на преподавательскую деятельность в АПИ и 85% на паровые котлы...»*.⁴⁵ К тому же была начата работа над докторской диссертацией.

⁴⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

⁴⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 97

В 1976 году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля Николай Васильевич был награждён Орденом Октябрьской революции.⁴⁶ Столь высокая правительственная награда, вторая по статусу гражданских орденов, служила признанием заслуг и на производстве, и в науке. И это не голословно. Ведь во всех заводских достижениях, несомненно, была и доля труда Николая Васильевича. БКЗ было чем гордиться. Из крупных достижений предприятия можно было назвать сооружение атомной станции «Ловисса-1» в Финляндии, победу во Всесоюзном соревновании за повышение эффективности производства и качества работы. В 1978 году за успешное выполнение государственного плана коллектив завода был награждён переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. В тот же период Президиум Верховного Совета СССР наградил работников БКЗ орденами и медалями за успехи, достигнутые в создании и монтаже гидравлического пресса 65000 тс для Франции. Это был весомый вклад в экономику и промышленность страны.

В 1979 году, 30 ноября, Президиумом Верховного Совета РСФСР был подписан Указ о награждении и присвоении почётных званий работникам различных отраслей предприятий страны, в том числе и Николаю Васильевичу Павлову звания «Заслуженный машиностроитель РСФСР».⁴⁷

С этого года Николай Васильевич начинает интенсивно готовиться к защите докторской диссертации. Тогда появились первые серьёзные признаки сердечно-сосудистого заболевания. Сказалось многолетнее напряжение, неумение отдыхать. Но изменить натуру, заложенную природой, невозможно.

В апреле 1980 года завод был переименован в производственное объединение «Сибэнергомаш». Николай Васильевич продолжал трудиться в должности главного конструктора.

Несколько слов о деятельности предприятия в 80-х годах. Была разработана и освоена новая продукция – деаэратор ДП-2600 единичной производительностью 2600 т/час для АЭС и паровой котел производительностью 420 т/час с новой технологией сжигания твердого топлива в кипящем слое. Данная модель котла, подчеркнём это, отвечала современным мировым стандартам в экологическом плане. Для изготовления сложнейших сосудов на предприятии вводится в строй новый пролет с самым мощным в Алтайском крае электромостовым краном грузоподъемностью 360 тонн. Такого уровня технологии не знало ни одно предприятие края. Кроме того, в 1983 году производственное объединение стало лауреатом премии Совета Министров СССР за разработку и внедрение в производство котла БКЗ-420-140НІМ-4 для работы под наддувом. А ещё через три года предприятие получило орден «Знамя труда» I степени КНДР

⁴⁶ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 109

⁴⁷ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 109

за развитие энергетики братской страны. Во всём это была заслуга и Николая Васильевича.

Павлов, пожалуй, был единственным производителем на Алтае, кто использовал свой творческий потенциал и все имеющиеся возможности для прославления родного предприятия и его тружеников на всесоюзном уровне. Он использовал каждую возможность и любую площадку, чтобы рассказать о БКЗ. Так в восьмом номере ежемесячного журнала «Энергомашиностроение» в 1982 году он опубликовал статью «Пора технической зрелости», посвящённую 40-летию БКЗ. Примечательно и то, что журнал всегда отдавал предпочтение научным статьям, а публицистику принимали с неохотой. Николай Васильевич, видимо, использовал, как говорится, административный ресурс – был членом редколлегии.

В 1985 году Николай Васильевич сделал что-то вроде подведения итогов своей научной деятельности. Посчитал опубликованные в печати работы, авторские свидетельства. Первых набралось 94, вторых – 14.⁴⁸ Много это или мало? Количество роли не играет. Важна польза научно-технических статей и то, были ли внедрены изобретения, автором которых был наш герой. Если последние остались только на бумаге, то был ли прок их разрабатывать. Все разработки Николая Васильевича были внедрены в производство на родном заводе. И это самое важное для изобретателя, значит, не зря трудился.

Не была напрасной и работа в редколлегии научно-технического и производственного журнала «Энергомашиностроение» (г. Ленинград). Многим авторам Николай Васильевич помог доработать статьи и опубликовать их.

Работа над диссертацией затягивалась. Николай Васильевич планировал защититься в 1982 году, но всякий раз находилась какая-либо причина, и требовалось доработать то один раздел, то другой. И вот, когда все требования были выполнены, на 10 февраля 1984 года было назначено заседание диссертационного Совета, но... два оппонента по разным причинам отказались от участия в защите. Заседание перенесли на неопределённое время. 16 марта того же года были утверждены новые оппоненты.⁴⁹ Время шло, здоровье ухудшалось. Николай Васильевич обратился в диссертационный Совет с просьбой разрешить защиту диссертации по докладу. В исключительных случаях такое допускалось. Учитывая вклад Николая Васильевича в науку и производство, ему пошли навстречу и 12 июня 1984 года доклад был отдан в печать.

В июне того же года Николай Васильевич вновь надолго был госпитализирован. В конце сентября друзья из Ленинграда сообщили, что предварительно защиту запланировали на апрель 1985 года. Но ближе к

⁴⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 78

⁴⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 101

апрелю защиту перенесли на 16 июня,⁵⁰ а в ноябре Павлов вновь попал в больницу...⁵¹

Установить точную дату защиты докторской диссертации Николая Васильевича пока не удалось. Но из различных источников следует, что степень доктора технических наук ему была присвоена в марте 1986 года.⁵²

Глава V

О том, что касалось другой ипостаси Николая Васильевича – литературной – мы решили рассказывать отдельно. Хотя, наверное, чтобы читателю ярче и понятней была жизнь героя, правильно было бы рассматривать его биографию как единое целое, не отделяя производственной от творческой части. Но настолько всё в жизни Николая Васильевича было переплетено, так плотно следовали события, что мы рисковали утопить читателя в датах, событиях, встречах, наградах... И тогда, возможно, не удалось бы проследить Павлова-писателя. А нам казалось это важным, потому мы решили литературную часть жизни Николая Васильевича раскрывать отдельно.

Вернёмся, таким образом, к началу, к тому времени, когда молодой специалист Павлов только начинал свою карьеру в Барнауле. С головой погрузившись в производственные вопросы, Николай Васильевич не оставлял и второго дела, которому был предан не менее, нежели конструкторскому – литературе. Каждую свободную минуту он брал карандаш, листок и писал, работал над словом, образами, сюжетом, как учили в институтской студии. А тут и случай подвернулся проверить свои литературные способности – в 1948 году крайком ВЛКСМ объявил конкурс на лучшее литературное произведение о комсомольцах. Дело было интересное, но в его серьёзность Николай Васильевич не поверил – кто будет судить произведения, когда в крае не было ни одного профессионального писателя?⁵³ Но заявку тем не менее в конкурсную комиссию отправил. Благо у него уже был наготове рассказ «Литейщики» – о работниках родного завода. Отправил и забыл.

Тему автор знал не понаслышке, и, видимо, это оказалось для комиссии главным мерилom. Рассказ комиссия оценила высоко и присудила ему первое место. За что автор и был награждён почётной грамотой крайкома ВЛКСМ.⁵⁴ По итогам конкурса в следующем году был издан сборник «Племя молодое»,⁵⁵ в который вошёл и рассказ Н. Павлова «Литейщики». Первая публикация в солидном издании! Почти сразу последовали ещё две публикации – в том же, 1949 году рассказ Николая Васильевича «Котельщики» был напечатан сразу в двух изданиях – журнале «Сибирские

⁵⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 101

⁵¹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 77

⁵² КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 78

⁵³ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

⁵⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1393, оп. 1, д. 8

⁵⁵ Барнаул, АКИ, 1949 г., 12 ПЛ, 10 000 экз.

огни» (г. Новосибирск) и коллективном сборнике «Край родной» (г. Барнаул). Редкая удача для начинающего писателя, яркий и уверенный первый шаг в литературу. Правда, рассказ «Котельщики» в «Сибирских огнях» опубликовали в полной авторской версии, а вот в барнаульском издании его изрядно сократили и отредактировали.

Вхождение Николая Васильевича в литературное сообщество Барнаула состоялось в конце 1948 или в самом начале 1949 года, установить более точно пока не удалось. Вот как о появлении Николая Васильевича среди барнаульских беллетристов вспоминал Марк Юдалевич в своей книге «Однополчане»: *«...Вскоре Николай Васильевич появился в нашей литературной среде... Среда в то время в Барнауле была невелика: Иван Фролов, Николай Дворцов, может быть, еще одно-два имени. По существу – литературный кружок, громко именуемый литобъединением.*

В литкружке как в литкружке. Немало споров, шуму, дилетантских словопрений. Николай Васильевич умел внести в эту обстановку деловитость, доброжелательность, деликатность...»

Это качество, отмеченное Юдалевичем, наверняка диктовалось складом характера Николая Васильевича. Он был конструктором, а значит, человеком, привыкшим просчитывать, взвешивать каждое слово, а не сотрясать воздух словесными очередями.

Примерно в то же время было создано краевое литературное объединение, руководителем (председателем) которого по совместительству была назначена Мария Иосифовна Гришаева, начальник краевого отдела по делам искусств. Но Николай Васильевич на заседаниях в объединении бывал крайне редко, рукописи же на обсуждение не давал вообще. Он довольно быстро понял, что профессионально о литературе там не говорили, а ему, человеку на самом деле занятому, было жалко тратить время на пустые разговоры. Это в какой-то мере задевало самолюбие местных литераторов, особенно после создания отделения Союза советских писателей, но об этом позже.

Вернёмся в начало 1949 года. В январе-феврале Николай Васильевич начал работу над первым крупным произведением – повестью.⁵⁶ К сожалению, условия почти не оставляли времени на занятия творчеством. На заводе рабочий ритм был настолько высок, что нередко обед сокращался до десяти минут – открывались новые цеха, участки, осваивалась новая продукция, вводилось современное оборудование. В стране возрастал спрос на продукцию котельного завода не по годам, а по месяцам. Дома обстановка, если честно, тоже не располагала – барак, трёхлетний сынишка Владимир, грудничкового возраста дочка Нина и двенадцатилетний племянник Анатолий, так и не отвыкший от детдомовских привычек. Но не писать Николай Васильевич как истинно творческая личность просто не мог.

В 1949 году Николай Васильевич получил первое повышение на производстве, стал старшим инженером-конструктором. Тем не менее новые

⁵⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

нагрузки на производстве никак не сказались на литературной деятельности. В четвертом номере альманаха «Алтай» в 1950 году был опубликован его большой, в девять глав, рассказ о котельщиках «Творчество». По сути, это маленькая повесть и не из-за того, что рассказ занял 36 журнальных страниц, а по охвату событий, географии действий. Видимо, поэтому он и попал в поле зрения критики. В четвертом номере журнала «Сибирские огни» за 1950 год была опубликована обзорная статья Ю. Сальникова «Альманах «Алтай», в которой автор сделал критический разбор произведений многих авторов с Алтая. Мы приведём фрагмент, в котором сказано о рассказах Николая Павлова: *«Ещё больше и гораздо более серьёзных претензий в отношении литературного мастерства читатель может предъявить Н. Павлову, автору рассказа «Творчество» (альманах «Алтай», № 4, 1950 г.)».*

Николай Павлов — инженер по специальности. Он пришёл в литературу совсем недавно: первый его рассказ, «Котельщики», был опубликован в прошлом году. Молодой автор порадовал свежестью материала — он ввёл читателя в круг трудовой деятельности рабочих и инженеров котельного цеха. В рассказе «Котельщики» политически остро поставлен вопрос о борьбе с низкопоклонством перед буржуазным Западом в области техники котлостроения.

Первое выступление в литературе не оказалось для Н. Павлова случайным. Вслед за рассказом «Котельщики» он написал ещё два рассказа: «Литейщики» и «Творчество».

Этот второй рассказ — тоже из жизни котельщиков — о творческом дерзании рабочих и инженеров одного котельного цеха — и опубликовала редакция альманаха «Алтай».

Н. Павлов обладает богатым жизненным материалом. Прекрасное знание того, о чём он пишет, помогает ему выбирать для рассказов наиболее важные, интересные, значительные моменты из жизни производственников: борьба за реконструкцию американского котла по проекту советского конструктора, поиски причин брака в литейном цехе и их устранение, борьба за создание энергетического котла, который можно легко переводить с одного вида топлива на другой...

При этом Н. Павлов смело ведёт читателя прямо на завод, в цех, показывая своих героев непосредственно в труде, у станка, на рабочем месте. В столкновении противоположных мнений раскрываются характеры людей, выявляются новаторы производства, разоблачаются и терпят крах консерваторы.

В рассказе «Творчество» сюжетным стержнем является конфликт между коллективом котельщиков, борющихся за скоростной график производства, и отставшими от жизни рутинёрами типа главного диспетчера.

Выпускать ли полегоньку, один котёл за другим, или пойти на ускорение производственного процесса и, может быть, даже не сдать к концу первого программного срока готового котла, но зато значительно

раньше срока, который предусмотрен для окончания второго котла, выпустить сразу оба — вот о чём спорят между собой герои рассказа Н. Павлова «Творчество», и побеждают те, за кем новое, прогрессивное, именно творческое начало, а не деляческий подход.

Н. Павлов показывает, что на стороне прогресса стоят все подлинные патриоты, и рисует галерею образов новаторов производства — разных по своим характерам, но объединённых общей целью. В числе их лучшие люди завода — начальник котельного цеха Алексей Кузьмич Никулин, конструктор Камышов, инженер Татьяна Ивановна Дрозд, сварщик Широков, разметчик Дима Богатых, крановщица Нина Голубкова. Н. Павлов знакомит нас с их судьбами, раскрывает их духовный мир.

Многие места в рассказе свидетельствуют о наличии у Н. Павлова определённых способностей к литературному творчеству.

Например, шестая глава заканчивается выразительным эпизодом, занимающим буквально шесть строчек. Главный диспетчер завода — консерватор Дрозд, тормозящий развитие нового дела в котельном цехе, только что получил заслуженную отповедь за свои поступки от начальника цеха Никулина. Оборвав неприятный для него разговор, Дрозд «с видимым усилием раскланялся, тяжко ступил в сторону, пошёл по цеху, постепенно ускоряя шаги. Навстречу ему двигался огромный щит обшивки котла, подвешенный стропами к крану».

Краном управляет стахановка Нина Голубкова.

Н. Павлов заканчивает главу словами:

«Товарищ Дрозд! Эй, береги-и-сь, Дрозд, — что есть силы закричала Голубкова и зазвонила в сигнальный колокол».

Так лаконично и просто выражена Н. Павловым мысль, точно определяющая местоположение диспетчера Дрозда среди новаторов цеха. Он, Дрозд, — лишний, он — мешает. На него надвигается громада, сила, и ему кричат, чтобы он посторонился, уступил дорогу.

К сожалению, рассказ «Творчество» имеет много недостатков. Он очень растянут. Растянутость проистекает из-за композиционной рыхлости. Н. Павлов неэкономно пользуется словом и любит повторять уже однажды сказанное. Так, например, о том, что котельщики борются за создание энергетического котла, читатель узнаёт трижды.

В одном случае об этом говорят противники новшества начальник снабжения и главный диспетчер, упоминая фамилии Никулина и Камышова как инициаторов нового дела. Затем вторично автор вспоминает об этом при характеристике Камышова и, наконец, в третий раз — при характеристике Никулина. Неоднократное повторение одного и того же (да ещё вдобавок одними и теми же словами) создаёт у читателя впечатление топтания на месте.

Вторым крупным недостатком рассказа, снижающим его художественную ценность, является сухость языка. Вообще Н. Павлов пишет языком простым и понятным, но слишком злоупотребляет деловой

прозой. Скучно становится читать длинные разговоры, превращающиеся в сугубо технические споры узких специалистов. Кроме того, показ событий зачастую подменяется у Н. Павлова их пересказом, и тогда язык окончательно утрачивает свежесть и образность. В рассказе немало кусков, которые кажутся попросту переписанными из скучной статьи. Вот пример: «В военное время, когда котлы переезжали вместе с электростанциями на новые места и должны были «кормиться» другим топливом, унификация стала необходимостью... А с производственной, технологической стороны она сулила увеличение выпуска котлов в полтора раза при прежнем оборудовании, снижение себестоимости процентов на двадцать!».

Таких кусков, повторяем, много.

Не все герои показаны ярко: многих так совсем и не видишь (например, заказчицу, которую котельщики водят по заводу), многие – лишь бледный намёк на яркий характер.

Иногда Н. Павлову изменяет чувство меры и вкус, и описания отношений между героями начинают звучать фальшиво.

«Разве котельный цех, котельный завод – это не наши с тобой общие и личные интересы, Матвей?» – спрашивает у мужа-диспетчера его жена инженер-новатор. Далее Н. Павлов пишет:

«Татьяна Ивановна подняла глаза, полные слёз, порывисто закрыла лицо рукавицами и пошла, пошатываясь, к выходу.

Он следил: жена сперва двигалась, как слепая, потом выпрямилась и почти бегом направилась к двери».

Здесь всё плохо, надуманно, нехарактерно для образа Татьяны Ивановны, какой она уже воспринята читателем, всё художественно фальшиво, в духе низкопробных сентиментальных романов.

В таком же духе описано объяснение Широкова с Ниной Голубковой в момент, когда отмечали лучших производственников.

Рассказ Н. Павлова был бы, бесспорно, более интересным, ярким и полезным для читателя, если бы редакция альманаха заставила серьёзно поработать над ним самого автора, помогла ему».

Статья очень огорчила Николая Васильевича. Да, в большей части замечания справедливые, и он понимал это. Но дело в том, что в журнале «Сибирские огни» его новая повесть готовилась к публикации. Если в рассказе столько недоработок, то сколько же их будет в повести? Пропустят ли её вообще? Переживания за судьбу произведения терзали до самого конца года.

Тогда же, в 1950 году Николай Васильевич сдал в сборник «Тебе, Родина» (издан Алтайским книжным издательством в 1951 году) два рассказа, «Большая межа» и «Хорошее знакомство». Первый рассказ был о любви председателя колхоза «Успех» Михаила Зубкова и работницы фермы колхоза «Искра» Валентины Ракитиной. Второй – о молодом шофере

старенького, почти отжившего свой век автобуса, Валентине Чекалове... Герои обоих рассказов показаны автором прямолинейно, ярко и правдиво.

На некоторое время давайте вернёмся в 1949 год. В тот год Николай Васильевич закончил повесть «Горячее лето». Первое крупное произведение, над которым работал почти три года. После недолгого колебания отнёс рукопись в книжное издательство. Минул год, а повесть так и продолжала лежать на столе редактора, и тогда Николай Васильевич выслал её в журнал «Сибирские огни». Николай Васильевич переживал за судьбу повести, но в декабре 1950 года пришёл радостный ответ – *«Уважаемый Николай Васильевич... в первом номере журнала следующего (1951-го) года Ваша повесть будет опубликована...»*. И вышла. Эпиграфом к повести автор взял высказывание лауреата Сталинской премии, каменщика А. А. Куликова: *«Я каменщик. Благороден труд строителя, труд создателя... Я встречал новосёлов, которые занимали квартиры в выстроенном мною доме; я приходил послушать первый звонок в моей школе; я с наслаждением наблюдал игру детей в яслях, воздвигнутых моими руками»*.

И только после этого Алтайское книжное издательство спешным порядком издало повесть отдельной книгой. А что же раньше-то препятствовало этому? Ответ на этот вопрос дала О. Захарова в статье «Доходное место», опубликованной в газете «Комсомольская правда» 28 августа (позже эту статью перепечатала краевая газета «Сталинская смена»). Автор жёстко высказывалась о методах работы Алтайского книжного издательства. Приведём выдержку из статьи: *«В конце 1949 года конструктор Барнаульского котельного завода Николай Павлов принес свою повесть «Горячее лето» в Алтайское книжное издательство. Главный редактор издательство тов. Розин обещал выпустить произведение отдельным изданием.*

С тех пор прошло почти два года, книжка так и не увидела свет на Алтае. Н. Павлов послал свою рукопись в Новосибирск в редакцию журнала «Сибирские огни». Там люди оказались более чуткими и отзывчивыми. Повесть «Горячее лето» была напечатана в январском номере журнала...»

Не лучше отнеслись на Алтае и к прозаику Николаю Чебаевскому – жителю села Тогул. Он отправил тов. Розину серию своих рассказов, неоднократно просил его помочь добрым советом. Тов. Розин не счел нужным даже ответить Чебаевскому. По примеру других алтайских писателей тов. Чебаевский решил обратиться в Москву, и его лучшие рассказы были напечатаны в одном из сборников Детгиза...»

Нет ничего удивительного в том, что после таких ответов молодые рабочие, колхозники, учащиеся Алтая воздерживаются посылать на консультацию свои произведения в местное издательство. Если в 1949 году свои рукописи в издательство прислало около трехсот человек, то в 1950 году – только 250. А за семь месяцев этого года немногим больше 90 человек отважились направить свои стихи и рассказы в Алтайское издательство...»

Итак, повесть Павлова увидела свет. Крупных прозаических произведений местных авторов на Алтае в те годы было немного, поэтому ни коллеги-писатели, ни критики не могли пропустить повесть. Первым на неё откликнулся Николай Чебаевский. В письме другу-писателю Николаю Дворцову 26 апреля он похвалил произведение, назвав его крепким.⁵⁷ Такому отзыву можно верить, потому что это было частное мнение литератора, не рассчитывавшего, что его оценка попадет на глаза автору. Первую публичную оценку повесть получила в статье «Повесть о строителях», которая вышла в газете «Сталинская смена» 2 сентября 1951 года. Автор В. Ярошилова писала: «... В повести хорошо показан сложный процесс становления героя...

То обстоятельство, что автор сделал одним из главных героев самобытного, цельного, а потому и трудного человека, в психологии которого так медленно и мучительно происходит борьба новых черт со старыми, является естественным. Н. Павлову удалось убедительно доказать неизбежность того перелома, к которому приходит Хазаров в результате работы с ним партийной организации...

Нельзя не отметить и удачу Н. Павлова в показе коллектива. Коллектив представлен в повести, как движущая сила. Он раскрыт ярко, с разнообразием индивидуальных характеров.

Отрадно, что характеры людей в повести даны в постоянном движении, в развитии. Мы не только читаем об их успехах – мы видим их на работе, восхищаемся их производственными делами и непрерывным духовным ростом...

Серьезным недостатком повести является неумение автора использовать всё богатство русского языка. Язык не отшлифован, порой небрежен. Много неточных выражений. Это снижает достоинство повести...»

В начале 1952 года в газете «Алтайская правда» вышла статья М. Темис с названием «Повесть о строителях»:⁵⁸ «...Издание отдельной книгой повести Н. Павлова «Горячее лето» является значительным событием в литературной жизни Алтая. Первое крупное произведение молодого прозаика свидетельствует о серьёзном творческом росте...

Писатель ярко рисует, как новаторы стройки создают передовые методы труда, максимально используют механизмы...»

Критик привёл несколько выдержек из повести, в которых были приведены диалоги, действия, портреты героев. После чего перешёл к тому, что считал недочётами автора. «...Повесть перенаселена действующими лицами... Автор повести не показал зрительно некоторые важные процессы, например, скоростное строительство жилых домов. В книге не хватает местного колорита, нет своеобразия и красоты сибирской природы. Язык повести сух». (Впору пожалеть литератора той эпохи,

⁵⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1368, оп. 2, д. 139

⁵⁸ «Алтайская правда» за 22.02.1952.

который, оказывается, непременно должен был воспеть «скоростное строительство жилых домов» и, напирая на местный колорит, не забыть в производственной повести о своеобразии и красоте сибирской природы. Но давайте вспомним, что на дворе-то был год 1952-й!). И далее опять цитата из статьи М. Темис.

«Все эти недочёты снижают ценность произведения. Тем не менее повесть «Горячее лето», пропагандирующая передовые коммунистические методы труда, читается живо и с интересом. Эта книга свидетельствует о том, что в лице Николая Павлова мы имеем писателя, который при серьезной работе над повышением своего мастерства сможет создать более зрелые художественные произведения о делах и людях сталинской эпохи».

Через несколько месяцев в четвертом номере журнала «Сибирские огни» выходит многостраничная статья С. Вражкина «Повесть о строителях».

«Основное достоинство повести Николая Павлова – это настоящая и искренняя поэзия труда. Молодой автор, напечатавший до этой повести только несколько рассказов, сумел добиться точности и выразительности в изображении трудовых процессов. В показе творческого, вдохновенного труда советских людей Павлов достиг бесспорного успеха... Но в то же время она не свободна ещё от значительных недостатков: психологической фальши, искусственных ситуаций, излишне риторических мест, неверных и неточных деталей, которые способны привести к обеднению темы, к снижению идейного звучания произведения...

К сожалению, автор больше рассказывает... чем показывает... Для некоторых мест повести характерно наигранное бодрячество...

Н. Павлову как литератору свойственен один немаловажный недостаток: он рассказывает там, где надо показывать...».

Последним, и весьма запоздало, на повесть откликнулся кандидат филологических наук Г. Кинелев. В газете «Алтайская правда» 11 июня 1953 года была опубликована его обзорная статья под названием «О конфликтности в произведениях алтайских писателей». В статье автор сделал анализ произведений М. Юдалевича, Н. Дворцова, Н. Чебаевского и Н. Павлова. О «Горячем лете» сказал следующее: «...НПавлов не снимает остроту столкновения, не смазывает конфликт. Последний существует на протяжении всего повествования. Разрешается конфликт правдиво, естественно, но это разрешение связано с длительными и тяжёлыми переживаниями Хазарова, который с помощью товарищей в конце концов осознает свои недостатки, стремится изжить их и возвращается снова на боевой участок работы. Победу одержало здоровое, творческое, что, как мы уже говорили, было заложено в характере Хазарова...»

В целом выход первой повести Николая Васильевича можно назвать успешным. Это, невзирая на некоторые недоработки и промахи автора, признали и большинство собратьев по перу, и критики. В мае 1951 года

Николай Павлов был принят кандидатом в члены Союза советских писателей.⁵⁹

Как ни малочисленна была в то время писательская организация в Барнауле, страсти там кипели нешуточные. Бескомпромиссные суждения, прямые выпады и публичные споры были в порядке вещей. Поэтому неудивительно, что на фоне в общем-то благожелательных отзывов о Павлове-писателе выделялся категорический отзыв Ивана Фролова. Он считал, что автор повести «Горячее лето» не смог создать высокохудожественного произведения из-за отсутствия опыта и глубокого знания материала. Осенью 1951 года, сразу после выхода книги, Фролов написал статью под названием «Произведения молодых алтайских писателей последних лет», в которой попытался критически оценить произведения И. Кочеева, Н. Чебаевского, К. Растегаева, М. Юдалевича, А. Махова, К. Козлова и Н. Павлова. О произведениях всех авторов, кроме Павлова, Фролов сказал бегло и в основном положительно. Николая Васильевича же он громил подробно и с удовольствием. Уличил его в незнании колхозной жизни, неправдоподобности образа героя Хазарова и т. д. Высказано всё было с неприкрытой неприязнью к автору.⁶⁰ Статью Иван Фролов разослал в обе краевые газеты и в журнал «Сибирские огни» в Новосибирск. Но ни в одном издании её не напечатали. Тогда Фролов написал новую критическую статью о повести Николая Павлова и выслал её в журнал «Знамя» в Москву. Почему-то ему очень хотелось, чтобы его мнение о повести «Горячее лето» узнали читатели. Редколлегия «Знамени» сочла рецензию Ивана Фролова «сырой», противоречивой и вернула её автору с таким объяснением:

«Уважаемый товарищ Фролов!

Мы с большой охотой напечатали бы Вашу рецензию на повесть НПавлова. Однако, к сожалению, Вам не удалось с достаточной ясностью и последовательностью охарактеризовать книгу. В Вашей рецензии часто встречаются расплывчатые, неопределенные оценки. «В основном удачно разрешена и тема любви Владимира Карпова и Антонины Мироненко» /стр.3/. «В основном удачно выведен секретарь партбюро Федор Иванович Мироненко» /стр. 4/. «Вызывает сомнение образ Хазарова» – читаем мы на стр. 7, в то время как на стр. 2 Вы с одобрением излагали историю перестройки того же Хазарова. Так же недостаточно ясен и вывод, которым Вы заключаете Вашу рецензию: «Эти недостатки, конечно, обедняют достоинства» /?/ неплохой в целом повести, имеющей, на наш взгляд, самостоятельное художественное значение». Мы будем рады, если Вы постараетесь поработать над рецензией, сделаете ее более четкой, последовательной, содержательной и после этого пришлёте её нам снова.

По поручению редакции журнала «Знамя» И. Гринберг. 10/XII-51 г.»⁶¹

⁵⁹ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 5

⁶⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1282, оп. 1, д. 131

⁶¹ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 11

Неизвестно, работал ли Иван Фролов над рецензией дальше, но в печати её найти не удалось. Общеизвестный «певец колхозной деревни» Фролов главной претензией к горожанину Павлову выдвигал незнание деревенской жизни. Не осведомлённый о биографии Николая Васильевича алтайский поэт не знал, что детство и юность инженера-конструктора прошли в российской глубинке, и он, следовательно, хорошо знал крестьянский быт и нравы. До «Горячего лета» у Павлова в сборнике «Тебе, Родина» был напечатан еще один «колхозный» рассказ – «Большая межа».

Хотя рецензия Ивана Фролова так и не увидела свет, своего мнения поэт не скрывал и охотно доносил его в Барнауле до каждого, кто готов был его слушать. Так что, мы полагаем, Павлов с такой оценкой своего творчества был знаком. И, возможно, поэтому больше к деревенским рассказам не обращался. Производственная тема была его вотчиной, там, по знанию материала, по охвату характеров и сюжетных линий, ему не было равных. Там он в дальнейшем и черпал идеи для своего творчества.

В том же 1951 году в пятом номере журнала «Сибирские огни» был опубликован новый большой рассказ Н. Павлова, «За чертежным столом». О теме и героях рассказа легко догадаться по названию – о конструкторах. Работоспособности Николая Васильевича можно удивляться. При всей загруженности на работе и в семье что у него оставалось на писательство? Каждый, кто когда-нибудь маялся над пустым листом, знает, какой это изматывающий труд, какой он требует сосредоточенности и каких сил. А для Павлова даже просто выкроить время было проблемой. Тем не менее он выдавал рассказы один за другим и, более того, заканчивал новую повесть на производственную тему – «Первый проект». Позже (в 1952 году) повесть переросла в роман «Конструкторы» – первый на Алтае роман местного автора. Кроме того, Николай Васильевич открыл в своём творчестве новое, очень трудное направление – стал писать произведения о детях и для детей. А писать для детей, это знают все литераторы, многократно трудней, нежели для взрослых. Вот и у Николая Васильевича первый блин получился комом. В начале июня 1952 года он получил из Новосибирска от Глеба Пушкарёва письмо, в котором сказано, что новый большой рассказ Павлова «Будем дружить» взят в ежегодное издание «Золотые искорки», но требует доработки: *«...сообщаю Вам мнение товарищей: «автор поднял большую интересную тему, автор умеет видеть детей, то, что тревожит и занимает их. Образы Жени и Вадика удалась, они убеждают. Хорошо показано и то, как взрослые помогают детям»... Но... все рецензенты (а их 4) указывают, что рассказ невероятно растянут, там много сухих, неинтересных подробностей, которые «не играют» для рассказа, не помогают раскрыть характеры героев, отвлекают от темы и вызывают скуку...»*⁶² Далее в письме Глеб Михайлович указывает постраничные недоработки автора. Николай Васильевич имел редкую черту в характере – выслушивать замечания и объективно относиться к ним и никогда не шёл у

⁶² КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

редактора на поводу ради того, чтобы опубликоваться. Так было и с рассказом «Будем дружить». Невзирая на авторитет Глеба Пушкарёва, Николай Васильевич посчитал, что некоторые замечания-рекомендации, если им последовать, значительно ухудшат рассказ. И высказал свою точку зрения Пушкарёву в ответном письме. В итоге рассказ в очередной номер «Золотых искорок» не был включён, но был опубликован в сборнике «У нас на Алтае», изданном в 1953 году.

Летом 1952 года Николай Васильевич закончил новую повесть «Первый проект» (о ней мы уже упоминали) и выслал рукопись в «Сибирские огни» и альманах «Алтай». Новосибирцам новое произведение молодого алтайского прозаика понравилось, и они поделились своим открытием с коллегами из журнала «Новый мир». Редакция журнала занималась в то время подготовкой к всесоюзному семинару молодых писателей. Николай Васильевич попадал в этот разряд, и его пригласили. Для начинающего литератора это было большой удачей. Всего на семинар было приглашено тридцать человек.⁶³ И среди них Павлов был единственным писателем из Алтайского края, возможно, и всей Западной Сибири. Кроме этого, 14 ноября Николай Васильевич был приглашён на семинар, организованный журналом «Сибирские огни»:

*«Дорогой Николай Васильевич! ...24-27 декабря созываем мы (редакция, отделение ССП и обком комсомола) молодых писателей на совещание-семинар... Кроме новосибирцев и писателей нашей области приглашаем персонально (и настаиваем на этом категорически!) Вас, Демченко и Суразакова из Алтайского края, и ещё нескольких писателей из других областей. «Конструкторов» Ваших будем обсуждать обязательно, но именно в присутствии автора. Польза для Вас будет несомненна... поскольку Вы уже пребываете и в юридических отношениях с Союзом писателей... Ваш Б. Рясенцев».*⁶⁴

Осенью того же года журнал «Сибирские огни» принял у Николая Васильевича повесть «Первый проект», которую после консультации с автором, решено было издавать как роман. Новое название – «Конструкторы». Публиковали роман в двух первых номерах 1954 года. На Алтае это произведение было опубликовано раньше – в седьмом номере альманаха «Алтай» 1953 года и еще в статусе повести.

В сентябре 1953 года «Алтай» вышел, а 23 октября номер альманаха обсуждался в газете «Звезда Алтая». Автором статьи «Седьмая книга альманаха «Алтай» был Н. Григорьев (псевдоним Николая Дворцова). Вот что было написано о романе Н. Павлова: «...Николая Павлова – роман «Первый проект».

...Автор умело, с хорошим знанием дела описывает жизнь советской технической интеллигенции, показывает, как она в творческом содружестве с рабочими... борется за усовершенствование отечественной

⁶³ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

⁶⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

техники, за внедрение в производство новых более совершенных по своим качествам унифицированных котлов... Павлов находит достаточно сил, чтобы рассказать своему читателю на понятном ему хорошем литературном языке о совершенно новых для него, а потому и особенно интересных областях жизни, о работе конструкторов, о новой технике.

Автор не ограничивается показом узко производственной темы, а раскрывает перед читателем духовный мир своих героев, которые не только трудятся, но и живут настоящей полнокровной человеческой жизнью...

Павлов в своем произведении по-серьезному пытается решать и целый ряд жизненно важных вопросов, таких, например, как проблема семьи и правильного воспитания детей, вопросы морали.

Но роман не лишен и целого ряда серьезных недостатков, которые автор мог и должен был устранить до опубликования произведения в печати...»

И похвалили, и пожурили. Нормальное явление. А вот следующий рецензент, К. Сеглин, автор статьи «Альманах «Алтай» № 7», опубликованной в «Алтайской правде» 20 декабря того же года, высказался несколько жёстче: «...отдельные главы романа, но уже по ним можно определить, что это более глубокое, зрелое, жизненное произведение, свидетельствующее о творческом росте писателя...

Однако... автор искусственно отрывает конструкторов от людей, которые воплощают их замыслы в материальные ценности...

Злоупотребляет Н. Павлов пословицами и поговорками. Они встречаются так часто, что набивают оскомину. Если бы ими говорил один персонаж, то это была бы индивидуализация. Но их употребляет и сам Горин, и его жена, и сын.

Роман плохо отредактирован. По этой причине попадаются повторения...

Встречаются также лексические и стилистические ошибки...»

Жёстко. К замечаниям, судя по рукописи романа, направленной в Алтайское книжное издательство в 1953 году, Николай Васильевич прислушался и некоторые фрагменты романа значительно переработал.

Полная версия «Конструкторов» была издана Алтайским книжным издательством в 1954 году пятнадцатитысячным тиражом. Повторимся – первый на Алтае роман, созданный местным автором. Для автора радость, для края – гордость. В октябре, получив из издательства авторские экземпляры, Николай Васильевич несколько из них раздарил близким людям. В их число попал и Николай Чебаевский, знакомство с которым состоялось 29 октября. Раньше они друг о друге знали только со слов товарищей, да по публикациям, теперь же встретились лично. В память о знакомстве Николай Васильевич сделал на шмуцтитуле дарственную надпись: «Николаю Чебаевскому в память о встрече в Барнауле. Н. Павлов». Примечательно, что в дальнейшем этих двух писателей связывали очень дружеские отношения. Они были в чём-то даже похожи – оба начитаны, эрудированны, скромны,

интеллигентны. И всякий раз, встречаясь на каких-либо мероприятиях (чаще всего на собраниях в союзе писателей), они садились рядом и подолгу разговаривали.

Вернёмся к роману. Публикация в журнале это одно, а выход его отдельной книгой – совсем другое дело. И читатели, и критики на книжный вариант, невзирая на авторскую доработку и редакторскую шлифовку, посмотрели под другим углом. По большей части отзывы повторяли те, что звучали ранее. Так, например, В. Мышкин в статье «Конструкторы», опубликованной в газете «Сталинская смена» 3 декабря 1954 года, писал: *«...Автор романа сумел живо и убедительно показать трудовые будни инженеров-котельщиков, передать поэзию конструкторского труда, раскрыть своеобразие человеческих отношений в этой среде...*

Не все в романе одинаково ценно, не все убедительно...

Недостаточно продумана композиция: «производственные» сцены тяготеют к началу романа, «личные» – к концу. Материал следует распределять более равномерно.

Язык и стиль романа недостаточно подчинены изобразительным целям. Это привело к тому, что пейзажи иногда напоминают топографические отчеты о рекогносцировке местности (это тем более обидно, что в романе есть картины природы, выполненные кистью истинного живописца). Речь многих героев страдает неумеренным применением пословиц и поговорок. Образный строй речи многих персонажей часто одинаков. Это затрудняет, например, индивидуализацию образов Гориных, Богатыревых, Луговой...»

Интересен и своеобразен отзыв А. Горского, старшего преподавателя Новосибирской областной партийной школы, опубликованный в четвертом номере журнала «Сибирские огни»: *«...Н. Павлов сделал небезуспешную попытку создать коллективный портрет конструкторов. Перед нами предстают люди, которые не произносят тирад о том, каковы их обязанности и задачи, каково то будущее, к которому стремительно идёт наша страна... Труд для них – дело чести, совести, часть их «личной» жизни.*

Автор умеет индивидуализировать образы, выделить в них запоминающиеся черты биографии, характера, портрета. Благодаря этому легко запоминаются многие герои...

Отдельные места книги заставляют верить, что автору под силу верное и глубокое изображение «диалектики души»...

Но при этом не всё в книге Н. Павлова бесспорно, удачно, не всё удовлетворяет читателя, не со всем можно согласиться...

Он, например, не вскрыл силы, причины, порождающие Шабаловых, не объяснил этот образ, как не показал и не объяснил многие переходы в его настроении...

Просто сказать о них совсем недостаточно, их надо показать...

Следует вообще упрекнуть автора в языковой небрежности. Нельзя, например, согласиться с такими авторскими выражениями: «Если ты секретарь партийной организации, ответь обо всём и за всё» (гл. XVI). «...Поскорее выбраться из темени угнетающего неведения» (гл. XXIV), «...Заметил Богатырёв, оглядываясь в отдел» (гл. IV), «Павлу Сергеевичу, смотревшему в ясные расширенные глаза жены, думалось: вот-вот в зрачках вспыхнут огоньки и посыплются искры», «...Лёд похрустывал и дробно гудел под коньками»...

И всё же общее впечатление от книги положительное. Автор стоит на верном пути».

Приведём мнение ещё одного читателя – К. Парамонова. В газете «Алтайская правда» от 26 декабря 1954 года опубликована его статья «О романе Н. Павлова «Конструкторы». «Выход в свет романа Н. Павлова «Конструкторы» – отрадное явление в литературной жизни Алтая. Это – несомненное свидетельство творческого роста местной писательской организации, первая ласточка в таком большом и сложном жанре, как роман...

Тут наиболее полно сказалась авторская осведомлённость в том, о чем он пишет, и не случайно поэтому каждый из эпизодов, связанный с конфликтом, звучит правдиво. Это самые убедительные и яркие страницы романа. Здесь слово молодого писателя приобретает силу и остроту, здесь видно его умение лепить образ, делать картину и нередко улавливать тончайшие оттенки и детали в обрисовке характеров...

Впечатляюще воспроизводит Н. Павлов трудовые будни конструкторов. Здесь он неплохо использует каждую мелочь и незначительную деталь, чтобы в любом случае создать запоминающуюся картину...

Но если Н. Павлов сумел быть убедительным во всем том, что непосредственно и прямо касалось трудовых будней коллектива конструкторов, то совсем по-иному обстоит дело там, где речь идет о другом, о жизни за пределами завода, когда герои дома, в кругу своей семьи, в кругу близких друзей и товарищей. А ведь в романе, помимо производственной темы, широко развернуты и эти мотивы, уводящие читателя в гуцу самых разнообразных житейских судеб и волнений.

Это хорошо, но беда в том, что когда повествование развертывается вширь и вглубь, когда оно начинает охватывать все больший и больший круг жизненных явлений, краски писателя начинают бледнеть, характеристики героев мельчать и терять свои индивидуальные черты...

Нет, не сумел Н. Павлов художественно реализовать своего замечательного замысла о семье Гориных, где дружба и взаимная выручка, чуткость и благородство отношений, честный и самоотверженный труд всех членов этой семьи – выражение того нового, что становится наиболее характерным и типичным для советских людей...

Не удалось автору изобразить и сложных отношений Николая Богатырева и Анны Луговой. Они полны радостных предчувствий любви, но все здесь кажется надуманным, потому что ни один из героев не выглядит живым, хотя автор на все лады старается доказать, что Николай Богатырев и Анна Луговая на редкость обаятельные люди и цельные натуры. Но вся беда в том, что нигде эти качества не обнаружались. Почему же так произошло, что автор оказался беспомощным показать своих героев в быту, в личной жизни? Ведь то, что он показал, кажется, неубедительным и, больше того, случайным...

Чувствуется, как далеко небезразличен он к своим героям, многих горячо любит и хочет показать их в быту полнее и шире, во весь рост.

И все же не удалось. Не удалось потому, что тема труда и тема личной жизни героев не нашли органического единства. Получилось так: герои на производстве – это одно, а их личная жизнь – другое. А как труд воздействует на человека, как он формирует характер героев, это осталось вне пределов авторского изображения. А ведь это главное. И поскольку это главное выпало из поля зрения писателя, естественно, личная жизнь оказалась сама по себе. Это и не дало возможности показать то, как в жизни героя проявляются новые, качественно иные соотношения труда и быта, труда и морали, труда и личной жизни. Ведь труд для советского человека – мерило всех ценностей его характера.

Потеряв эту главную линию, писатель и не смог глубоко и правдиво, художественно полноценно реализовать своего интересного замысла. Много и упорно ему еще надо работать над языком, чтобы добиться выразительности и умения рисовать словом.

Надо полагать, что Н. Павлов учтет все недостатки первой книги и не повторит их в своих последующих произведениях».

Пока роман читали и обсуждали, Николай Васильевич готовился к поездке в Москву на II Всесоюзный съезд советских писателей. Его кандидатура была предложена на общем собрании отделения ССП представителем крайкома КПСС и после единогласно одобрена коллегами.

О чём думал и какие чувства испытывал Николай Васильевич, готовясь к поездке в столицу? Сложно сказать. Сам же он, несколько позже, записал в дневнике, что в этот период он вспоминал, как мальчишкой в 1934 году, сидя у радиоприёмника, слушал выступление Максима Горького, Юрия Олеши, Леонида Соболева, Вениамина Каверина с I Всесоюзного съезда ССП.⁶⁵ Для него, сына крестьянина-лишенца, сосланного на Кольский полуостров, все эти люди тогда казались небожителями. Разве мог он подумать, что через двадцать лет будет состоять с ними в одной организации, станет избранным и примет участие в работе точно такого же съезда. Он и мечтать об этом не мог. Но прошло двадцать лет, он – кандидат в члены ССП, избран делегатом с правом решающего голоса от краевого отделения. Высокое доверие собратьев по перу и руководства края его волновало.

⁶⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 89

Надо сказать, переживания Николая Васильевича усиливало то, что на поездку в Москву накладывалась особая, как сказали бы сейчас, миссия: отстоять на съезде издание альманаха «Алтай». С лета 1954 года по стране стали закрывать так называемые местечковые альманахи. Чаще всего это происходило там, где отделения ССП были малочисленными. Алтай, соответственно, попадал в этот список, поскольку член Союза писателей в крае тогда был всего один – Иван Фролов.⁶⁶ Выступление Павлова на съезде не было запланировано, а во что бы то ни стало нужно было донести до руководства Союза писателей простую, в общем-то, мысль. Чтобы стать писателем, нужно издаваться. С закрытием альманаха шансы увидеть свою рукопись в наборе у местных литераторов существенно сокращались, если не исчезали совсем.

Открытие съезда состоялось 15 декабря в 16:00. День выдался пасмурный, но на настроении делегатов это никак не отразилось. Да и вряд ли погодные условия могли омрачить радость и торжественность знаменательного события – между первым и вторым съездами прошло целых двадцать лет! Можно только догадываться, с каким волнением в душе входил Николай Васильевич в Колонный зал Дома Союзов, в котором собрались 738 писателей СССР. С не меньшим душевным трепетом и внимательностью слушал выступление Константина Федина, Ольги Форш, Вилиса Лациса, Самуила Маршака, Агнии Барто и выступление секретаря ЦК КПСС...

Неизгладимое впечатление на Николая Васильевича произвело знакомство с известными писателями Георгием Марковым, Сергеем Сартаковым и Александром Смердовым. Георгий Марков в 1952 году был награждён Сталинской премией третьей степени за роман «Строговы». Сергей Сартаков был известен не только как руководитель Красноярского отделения СПП, но и как автор любимившихся читателям произведений «Каменный фундамент» и «Плот идёт на Север». Александр Смердов, ответственный секретарь Новосибирского отделения СПП, автор широко известных в народе книг «Повесть о Гене Щукине», «Сибиряк Тарас Клинков» и «Пушкинские горы». Беседы с ними, яркие и насыщенные выступления с трибуны заставили Николая Васильевича посмотреть на свои литературные труды и литературную жизнь в крае с другого ракурса. Возможно даже, в чём-то поменялись и взгляды на жизнь, творчество. С уверенностью можно сказать, что после съезда творческий процесс в «собственном соку» у Павлова закончился, границы общения расширились, и это повлияло на его рост как писателя.

Внимательно слушая выступления Михаила Шолохова и Николая Тихонова, Николай Васильевич делал пометки в блокноте, особенно яркие тезисы старался записать полностью – пригодятся в докладе. Дома, в Барнауле, он привёл записи в порядок, дополнил по памяти выступления

⁶⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 89

писателей, руководителей от партии и использовал выдержки из их выступлений в своём отчёте.⁶⁷

Но самое знаменательное, что Павлову удалось сделать то, о чём наказывали земляки. Благодаря помощи друга-фронтовика Игоря Сенькова, который работал в литконсультации Союза советских писателей, Николаю Васильевичу удалось получить разрешение на выступление. Заметим, что незапланированные выступления практически не практиковались. Но Николаю Васильевичу повезло, Александр Фадеев дал ему слово (разумеется, после предварительного собеседования) на закрытом заседании съезда 25 декабря. Суть короткого выступления Николая Васильевича состояла в том, что закрытие таких альманахов, как «Алтай», недальновидно и существенно обеднит литературный процесс в регионах. Фадеев заверил, что региональные издания Союз писателей поддерживал и будет поддерживать. Задачу свою Павлов выполнил.⁶⁸

Вернёмся к съезду. В последний день работы, 26 декабря (воскресенье), в Георгиевском зале Кремля для участников был устроен банкет. На таких мероприятиях, как правило, устанавливаются неофициальные отношения, завязывается дружба. У Николая Васильевича тёплые деловые отношения сложились с ленинградскими и московскими писателями, и если бы он больше времени уделял литературе, нежели производству, то его произведения выходили бы и в московских изданиях, и в ленинградских. Но в первую очередь Павлов был производственником.

Дома Николай Васильевич подготовил подробный доклад-отчёт о работе съезда писателей и представил его в крайком партии в середине января. В сокращённом виде отчёт был зачитан на краевом собрании писателей в феврале 1955 года.

Тем временем в Барнауле готовился к изданию очередной репертуарный сборник «Эстрада», и Николая Васильевича попросили дать для него какой-нибудь новый небольшой рассказ. В такие сборники обычно входили стихи, песни, пьесы, то есть то, что могло пригодиться в работе домов культуры и клубов. Проза в сборник включалась крайне редко, но с Павловым был особый случай – его рекомендовали из крайкома партии. Для публикации Николай Васильевич представил новый рассказ «Встречи» с подзаголовком «рассказ Галины Дроздовой». В центре повествования были отношения молодых людей – Галины Дроздовой и Юрия Мягкова – приехавших по распределению из Москвы на Алтай, в Кулундинскую степь. Между молодыми людьми возникла симпатия, но Юрий испугался трудностей и сбежал обратно в Москву, а девушка-комсомолка мужественно переживала временные трудности и находила радость в том, что трудилась и выполняла важное для страны и народа дело.

В этом же году в альманахе «Алтай» № 9 вышел большой рассказ Николая Васильевича «Разные взгляды» – о поисках и надеждах, вере и

⁶⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 92

⁶⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 89

разочарованиях молодых специалистов на производстве начала 50-х. Рассказ в какой-то степени биографический. Герои – Галина Тальникова и Гриша Матвеев, так же, как автор, после окончания института приехали в далёкий городок по направлению и так же от вокзала, нагруженные чемоданами, брели к управлению завода. Заметна похожесть жизненных ситуаций автора и героев и в бытовом устройстве. Николай Васильевич создавал произведение, можно сказать, не выдумывая. Возможно, поэтому веришь его героям, рассказ читается легко, заставляет думать, сопереживать.

Тем временем в читательской и пишущей среде продолжается обсуждение романа «Конструкторы». В «Литературной газете» от 12 июля 1955 года публикуют статью О. Войтинской с названием «Больше взыскательности». *«...Инженер-котлостроитель Н. Павлов дебютировал в литературе свежо написанной повестью «Горячее лето», изданной в свое время Алтайским книжным издательством. Однако «Горячее лето» принадлежало литератору начинающему, зачастую подменявшему художественное изображение неумело сделанной иллюстрацией. Роман «Конструкторы» свидетельствует о творческом росте Н. Павлова и вместе с тем о некоторых не преодоленных недостатках...»*

К лучшим страницам романа относятся описание разрыва Константина Горина с пустой и эгоистической Светланой Шабаловой, изображение требовательной дружбы Константина с Аркадием Богатыревым. Правдиво рассказывается в романе о новых советских семьях, спаянных большой любовью и идейной близостью. Реалистически написаны и образы людей, к которым автор относится критически...

В романе Н. Павлова немало жизненной правды. И все-таки «Конструкторы» написаны очень неровно. Интересные, выхваченные из жизни страницы мирно соседствуют с малохудожественными, скучными описаниями людей и событий. Н. Павлов порой заменяет палитру художника фотоаппаратом. Тогда на первый план выступает иллюстративность – свойство, присущее ряду прозаических произведений журнала...». Рецензия жёсткая. Сказано и о достоинствах романа, и о его недоработках. Для думающего и трудолюбивого автора, каким был Николай Васильевич, такая рецензия помогала в работе. Тем более что она была своевременной – Николай Васильевич заканчивал работу над составлением книги рассказов.

Объём рукописи был небольшой, чуть больше пяти печатных листов, и включал шесть рассказов: «Разные взгляды», «Встречи» (ранее он имел подзаголовок «Рассказ Галины Дроздовой», теперь же «Рассказ Елены Дроздовой»), «Обида Андрея Буркова», «С огоньком», «Подарок», «Даю слово!», работа над ней затянулась до июня.

Рукопись книги была подготовлена и сдана в издательство с названием «Разные взгляды» в начале декабря 1955 года. Николай Васильевич получил из издательства полагающиеся авторские экземпляры и почти все подарил друзьям. В число немногочисленных друзей входил и Марк Юдалевич. Ему

Николай Васильевич, крайне не любивший многословие, подписал книгу так: *«Марку Иосифовичу Юдалевичу – в знак большого уважения. Н. Павлов, 2.XII.56 г. Барнаул».*

Сборник рассказов был издан небольшим тиражом – всего пятнадцать тысяч экземпляров, но для Западной Сибири хватило. Первыми, как всегда, на выход сборника откликнулись новосибирцы. Юрий Мостков в третьем номере журнала «Сибирские огни» за 1957 год опубликовал рецензию «Тема и её воплощение». *«...Прочитав рассказы («Разные взгляды», Барнаул, 1956) Н. Павлова, без труда замечаешь, что писатель действительно влюблён в свое дело и в людей, увлеченных техникой, творчеством. Однако эстетического удовлетворения от рассказов не испытываешь...*

Мельком, поверхностно обрисованы и другие персонажи; Н. Павлов, как правило, описывает наружность того или иного героя, но ни одним словом не намекает на характер. Вот, например, подруга Галины Дуся Жаринова. Хотя она несколько раз появляется на страницах рассказа, мы узнаем о ней только то, что она «невысокая, молоденькая девушка с чистым смугловатым лицом, обрамленным толстыми черными косами» и что она учится в вечернем техникуме...

Зачастую писатель подменяет изображение декларацией, одобренной литературными «красивостями»...

Нередко встречается в рассказе выпренная велеречивость...

Чрезмерно часто в тексте рассказа повторяются слова «счастье», «счастливый», «радость», «радостный», «солнце», «солнечный», «светлый» и т. п. В результате слова стираются, теряют свою впечатляющую силу...

Закрывая книгу рассказов Н. Павлова, не можешь отделаться от мысли, что неудача писателя проистекает оттого, что главному изображению человека в труде он уделяет мало внимания. Ведь не случайно много места уделяет писатель вопросу о том, каким должен быть вентиль литой или кованный (рассказ «С огоньком»), но нигде не касается столь – близкой и доступной ему темы психологии творчества. А между тем какие благодатные возможности здесь скрыты! Н. Павлов не сумел показать поэзию труда инженеров и конструкторов, романтику поисков, трудности и открытия.

Думается, что Н. Павлов имеет большие, чем у многих других писателей, возможности решить эту задачу. Нужно лишь, чтобы внимание писателя было направлено не только на идею и тему произведения, но также и на их полноценное художественное воплощение».

Не полюбился почему-то Мосткову именно рассказ «Разные взгляды», хотя в целом творчество Николая Васильевича ему нравилось. Подтверждением этому служит то, что в альманахе «Алтай» № 10 в 1957 году был напечатан новый рассказ Николая Васильевича «Клавдия и Тонечка», и Юрий Мостков по своей инициативе взял его для радиопьесы, о чём и уведомил автора 6 августа того же года.⁶⁹ Но вот «Разные взгляды» не

⁶⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

понравились. К замечаниям Ю. Мосткова Николай Васильевич прислушался и над рассказом поработал так, что при следующем переиздании он вырос до размеров повести, но об этом мы расскажем дальше.

Несколько слов об участии Николая Васильевича в жизни писательской организации. Если в общественной жизни – общество «Знание», Народный университет – он участвовал с охотой и старался не пропустить ни одного заседания, то на собраниях писательской организации он бывал не часто. Так получилось, что в ту пору алтайское отделение СП сотрясали жаркие баталии, шла борьба за власть. Будем справедливыми – такое случается не только с писателями, но у творческих людей подобные истории происходят бурно и страстно. А Николай Васильевич жить такими страстями не хотел. Ему чужды были подковёрные игры и местечковые заговоры. Потому и не любил он бывать на собраниях, далёких от литературы как таковой.

Но в одном «историческом» собрании ему пришлось и присутствовать, и участвовать. В отделении СП состоялось очередное совещание. Оно откладывалось с начала года, но по настоянию писателей всё-таки состоялось в пятницу 26 апреля 1957 года. Руководитель организации А. С. Тресков всячески старался избежать собрания, потому что не ждал для себя ничего хорошего. Недовольство среди литераторов копилось долго и должно было получить выход. Решающее «сражение» было неминуемо, и только Николай Васильевич Павлов не примкнул ни к одной стороне. Его особое положение среди писателей помогало ему избежать участия в каких бы то ни было коалициях.

После доклада Трескова началось обсуждение. Л. Квин со свойственной ему скрупулёзностью разнёс доклад секретаря в клочья. Взявшие слово следом добавили камней на голову Трескова. Припомнили ему явные и мнимые грехи, вплоть до того, что он был виновен в «смерти» литературных вторников. Свалили всё в одну кучу – слабую критику рукописей, ошибки в сборниках молодых писателей, отсутствие связи с горно-алтайским литературным объединением и т. д. Вступился за попавшего в немилость руководителя только поэт Б. Сковородников. Но и ему досталось.

Выступил и Николай Васильевич. Он не стал никого ругать или защищать, он заговорил о Литературе. Совершенно искренне Павлов не понимал, для чего «пролито столько желчи», когда у писателя совсем другое предназначение. Он говорил о роли писателя, о том, что нужно работать, нужно создавать светлые, патриотические произведения, работать для читателя. Человек, привыкший созидать, стремился призвать к этому и своих коллег.⁷⁰

...Вот из-за таких случаев Н. Павлов и был в писательской среде человеком уважаемым, чтимым, но всё-таки чужаком.

Редактор отдела прозы журнала «Сибирские огни», профессиональный литературовед и критик Борис Рясенцев ценил литературный дар Николая

⁷⁰ КГКУ НААК Ф. Р485, оп. 1, д. 3

Васильевича и постоянно просил его прислать что-нибудь новое из своих работ. Вот выдержка из письма Рясенцева Павлову, датированного четвёртым апреля 1958 года: *«Дорогой зам. главконст-ра Барнаульского котельного завода! Дорогой – он же – писатель Павлов! Милый мой Николай Васильевич! ...что-то долго не откликаетесь Вы на мой «запрос»... что Вы сейчас «конструируете» на своем литературно-творческом столе... Б. Рясенцев»*.⁷¹ Уж кто-кто, а Рясенцев знал толк в литературе – он окончил Высшие курсы искусствоведения при Ленинградском институте истории искусств (ЛИИИ) по специальности «литературовед-редактор художественной литературы», работал редактором в издательстве «Детгиз», литературным консультантом журнала «Резец», заведовал отделом прозы в журнале «Ленинград», был редактором-консультантом сценарного отдела киностудии «Ленфильм». Уважение и поддержка столь авторитетного редактора и литературоведа, каким был Борис Рясенцев, не только льстила самолюбию, но и заставляла требовательней относиться к своему творчеству. Но предложить в журнал новое произведение Николай Васильевич не мог – всё свободное от работы и семьи время он полностью отдавал подготовке к переизданию романа «Конструкторы» и первой книги для детей «Рассказы о Вадике и Жене». Много сил и времени уходило на подготовку диссертации. К юбилею, сорокалетию, у него был заключён договор с краевым издательством на издание этих книг.

Ответственная производственная деятельность и подготовка к изданию сразу двух книг изматывали и морально и физически. Кроме этого Павлов выполнял и общественную работу – рецензирование рукописей начинающих писателей. Только с февраля по ноябрь 1958 года было проработано двенадцать рукописей начинающих авторов и написано столько же рецензий.⁷² Насколько деликатно и объективно оценивал Николай Васильевич чужой труд, можно судить по рецензии на сборник рассказов начинающего прозаика О. Петрова. Рецензия написана на шести страницах, мы приведём из неё небольшую цитату: *«...Несмотря на то что сборник написан неровно, много страниц и целые рассказы позволяют утверждать, что О. Петров имеет верный глаз, хороший вкус. Умение строить сюжет, подмечать глубокие конфликты... к сожалению, сборнику присущи крупные недоработки...»*. Авторские недоработки Николай Васильевич показал предметно, не общими словами.⁷³

Вернёмся к подготовке изданий к юбилею. Работая на износ, Павлов тем не менее рукописи в издательство сдал своевременно. Как ни спешил, но ко дню рождения, к сожалению, издаться не получилось. Только в начале 1959 года книги «Конструкторы» и «Рассказы о Вадике и Жене» он смог подписывать друзьям и близким людям. 21 марта подписал М. Юдалевичу

⁷¹ Там же

⁷² КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 95; Ф. Р485, оп. 2, д. 255

⁷³ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 5

свою первую детскую книгу: «Марку Иосифовичу Юдалевичу. Как много здесь жизни! Как в «Простых истинах»... Н. Павлов».

Как следует из документов, которые оказались в нашем распоряжении, литературная жизнь в Барнауле отнюдь не пребывала в застое. Похоже, писатели были чересчур суровы к своему секретарю. Помните бурное собрание, на котором так тяжело пришлось Александру Сергеевичу Трескову? Так вот именно в это время происходило много интересных событий. Например, в апреле обсуждали книгу стихов Г. Кондакова, в мае говорили о новых произведениях Л. Мерзликина, в июне разбирали новые стихи Б. Каурова, где высказался и Н. Павлов. Позже были рассмотрены произведения А. Куклина, И. Шумилова, В. Попова, А. Демченко и других.⁷⁴

В отделении СП прошло ежемесячное рабочее собрание, на котором обсуждали рассказ А. Трескова «Медовые росы». Обсудили и сразу же решили провести читательские конференции по книгам, вышедшим в Алтайском книжном издательстве, – «Дороги в горах» Н. Дворцова, сборник стихов К. Козлова, «Рассказы о Вадике и Жене» Н. Павлова.

Книга для детей была особенно дорога Николаю Васильевичу. Её выхода он ждал несколько лет, хотя замысел появился ещё в 1952 году, когда он работал над рассказом о детях «Будем дружить». И вот книга издана солидным тиражом – тридцать тысяч экземпляров. Вскоре Николаю Васильевичу стали приходиться письма от юных читателей. Книга им очень понравилась, как говорится, задела за живое, и они спешили высказать автору свою благодарность и рассказать истории, произошедшие с ними.⁷⁵ Один за другим следуют предложения на встречи с читателями в школах, библиотеках. В плотном производственном графике Николай Васильевич с трудом, но всё же находил время и выступал перед юными читателями. На встречи с детьми он всегда шёл с большой охотой, он любил и понимал их. Дети чувствовали это и тянулись к нему, держались легко, непринужденно. В архиве сохранилось много писем Н. Павлову от детей из разных уголков СССР, в том числе из Алтайского края. Сохранились интересные послания от ребят из Дружбинской школы Алейского района, которые откликнулись на статью в «Молодёжи Алтая», от детей из школы-интерната Камня-на-Оби. Школьники обсуждали поступки и характеры героев, советовали автору и даже просили передать приветы Вадике и Жене. Верили, что герои живут рядом с писателем.⁷⁶

Читательская реакция на книгу «Рассказы о Вадике и Жене» была оживлённой, и потому очень удивительно, что критики и собраты по перу не заметили её выхода. Ни в одной газете, ни в одном журнале не то что Западной Сибири, но и края, никто словом не обмолвился о ней. Даже автор нескольких детских книг М. Юдалевич оставил её без внимания. Возможно, автору он что-нибудь и высказывал при личных встречах, но напечатанной

⁷⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 5

⁷⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

⁷⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

рецензии или отзыва не просматривалось. Но самого Николая Васильевича, думается, молчание собратьев в прессе не огорчало. Отзывы и реакция детей были самой главной наградой. Если они поверили в героев, заинтересовались их жизнью, значит, книга состоялась.

А вот обсуждение переизданного романа «Конструкторы» велось на страницах журналов даже союзного значения. Так, в третьем номере журнала «Москва» (1959 г.) Григорий Александрович Ершов, критик и литературовед, опубликовал статью «В атмосфере творческого беспокойства», в которой разобрал роман по косточкам. Более интересные моменты, на наш взгляд, следующие: *«...единственным из крупных произведений, непосредственно затрагивающих тему индустриального труда на большом заводе, до сего времени остается роман «Конструкторы» – книга писателя Николая Павлова, инженера, главного конструктора Барнаульского котельного завода...*

Колоритно выписан образ талантливого инженера-новатора Павла Сергеевича Горина – человека скромного, очень трудолюбивого и принципиального в своей работе, в отношениях с людьми на производстве и в быту...

Автор расположил множество линий и перипетий, нарисовал множество персонажей с ярко выраженной индивидуальностью, сильными характерами...

Если бы писатель с таким же искусством владел тайнами языка, чтобы передать в точном диалоге или авторском тексте ту богатую палитру чувств, которыми живут его герои, намеченные в книге, мы бы имели роман такого звучания, которое бы далеко вышло за пределы края. К сожалению, язык этого романа – строительный материал умело воздвигнутого здания – не отличается выразительностью, плавностью, разнообразием. Писатель верно наблюдает жизнь, чувствуются характеры, порой ему удаётся создать новые запоминающиеся образы, но ему еще не хватает мастерства, чтобы индивидуализировать речь героев, освободиться от т. н. «гладкописи», убаюкивающей при чтении романа. К тому же и основной сюжет очень растянут...».

К мнению Григория Александровича нельзя было не прислушаться. Ко времени написания статьи он уже был признанным литературоведом не только в Советском Союзе, но и за его границами и имел опыт творческой работы с такими писателями, как Михаил Пришвин, Николай Островский, Александр Фадеев, Аркадий Гайдар, Александр Серафимович, Пётр Павленко, Сергей Григорьев, Николай Бирюков и многими другими. И если он заметил роман и даже написал на него рецензию, значит «Конструкторы» того стоили.

О признании таланта Николая Васильевича как писателя и публициста можно судить по такому случаю: журнал «Сибирские огни» всегда был под пристальным вниманием писателей не только Сибири, но и всей страны. Желавших опубликовать в нём свои материалы было очень много, а потому

портфель редактора всегда был переполнен материалами на несколько номеров вперёд. То, что материала было изобилие, понятно, его во все времена хватало, а вот интересные, стоящие материалы – были редкостью, находкой. Видимо, поэтому, 27 августа 1959 года редактор журнала В. В. Лаврентьев отправил письмо Н. Павлову, в котором сетовал на то, что автор, который напечатал у них «Горячее лето» и «Конструкторы», вдруг замолчал и ничего больше не высылает. Через несколько дней Павлов выслал в журнал большой очерк «Обыкновенная семилетка» – четыре главы, занявшие в журнале 17 страниц! За несколько дней написать большой очерк — поразительно. Смог, потому что тему знал хорошо – о родном заводе, его людях. Опубликован очерк в первом номере в 1960 году.⁷⁷

В том же 1959 году на общем собрании АКПО решался вопрос о принятии в члены Союза писателей А. Баздырева. Председательствовал на собрании М. Юдалевич, секретарём избрали Н. Дворцова. При обсуждении кандидата выступающие в основном говорили о его книгах, уточняли, кто дал рекомендации, спрашивали о планах и т. д. Николай Васильевич своё выступление построил на способности Баздырева видеть в теме произведения суть, способность её выразить так, что рядовой читатель её поймёт. Ещё подчеркнул дар Баздырева проникать в глубину взятой темы, доходить до каждой детали, что и притягивало читателя.⁷⁸

В начале 1960 года Николай Васильевич работал над книгой о котельном заводе. Построение работы интересно тем, что историю завода он показывал в людях. И это правильное решение, потому как именно люди создают историю. Он писал, кто и когда пришёл на завод, чем занимался, в разработке какого агрегата или оборудования принимал участие, какой цех строил, чем оснащали. Не обошёл вниманием практически ни одну профессию, от сталевара до главного инженера. При этом Н. Павлов не перегружал текст профессиональными терминами и не уходил в неинтересную для читателя глубину технологии производства. Книга была написана к 20-летию со дня основания предприятия на Алтае.

7 октября 1960 года Николай Васильевич заключил с книжным издательством (директор Г. В. Лавренёв) договор на издание книги «Навстречу грядущему» объёмом в четыре печатных листа. Согласно договору, гонорар составил 1000 рублей за печатный лист. В апреле 1961 года очерк был сдан в набор, а в начале июня подписан в печать.⁷⁹ И вот что удивительно. Это была первая документальная книга Николая Васильевича о родном заводе. Материал не только интересный, но ценный для будущих историков-краеведов. А публикация прошла совершенно не замеченной критиками и писателями.

Годом раньше, в июне 1960 года, в Новосибирском электротехническом институте готовилось информационное издание о

⁷⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

⁷⁸ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 5

⁷⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 3

выдающихся людей Сибири и Павлова попросили прислать биографические данные для монографии.⁸⁰ В документе Николай Васильевич перечислил свидетельства на изобретения и рационализаторские предложения, награды, художественные произведения, вышедшие отдельными изданиями. Конечно, институтская монография – это не всемирное признание. Но, определенно, свидетельство заслуг инженера-писателя, дающих право быть отмеченным среди выдающихся людей Сибири.

В 1960 году, работая над очерками для книги «Навстречу грядущему», Николай Васильевич параллельно дорабатывал рассказ «Вдвоём», где рассказывалось о детях, их дружбе и смелости, и выслал его на конкурс в издательство «Физкультура и спорт». Конкурсная комиссия положительно оценила рассказ Николая Васильевича, и он был опубликован в сборнике «За самого смелого» в 1961 году тиражом 75 000 экземпляров!⁸¹

Узнав о том, что рассказ Павлова вышел в сборнике, изданном во всесоюзном издательстве, Алтайское книжное издательство предложило Николаю Васильевичу переиздать его книгу «Рассказы о Вадике и Жене». Редкое предложение, и Николай Васильевич согласился с радостью, но, как это часто случается, вопрос затянулся и сборник увидел свет только в первой половине 1963 года.

Публикации в альманахе «Алтай» (рассказ «Надежда Коробова»), выход сборника повестей «Клавдия и Тонечка» в Алтайском книжном издательстве... Николай Васильевич активно печатается, причём дважды – в московских изданиях, а писатели и критики не отзываються ни строчкой на удачу коллеги. Можно списать на то, что в основном это были переиздания. Но из шести произведений, включенных в сборник «Клавдия и Тонечка», был и новый рассказ – «Путёвка на курорт». Почему бы это?

Нигде, конечно, не говорилось напрямую, никто не ставил Николаю Васильевичу это в укор, но Павлов не вписывался в и без того неоднородную когорту алтайских писателей. Отчасти из-за характера Николая Васильевича, который категорически не желал «дружить» против кого бы то ни было. Да и времени у занятого главного конструктора не было на выяснение, кто важнее в писательской «песочнице». Но остаётся фактом, что Н. Павлов был «особенным» членом Союза.

Николай Васильевич в Барнауле жил почти полтора десятка лет, сделал успешную карьеру, имел заслуженный авторитет на предприятии, был депутатом краевого Совета, стоял у истоков создания писательской организации в Барнауле и одним из первых был принят в Союз писателей, а своим в краевой писательской организации так и не стал. Собратья по перу его уважали, к его мнению прислушивались, но всё-таки держались от него на расстоянии. Показателен, к примеру, такой штрих. На предстоявшее собрание секретарь СП созывал членов Союза, активистов, представителей

⁸⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

⁸¹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 2

книжного издательства попросту – телефонным звонком. Письменное приглашение получал только крайком партии и... Николай Васильевич Павлов.

В глазах окружающих Павлов был, что называется, обласкан властью. Его знали в верхах, выдвигали на московские совещания и съезды, всегда выделяли среди других писателей. И уже неважно, что сам Николай Васильевич никогда не искал покровительства и никогда не обращался за помощью в личных и творческих делах к руководству – в горисполком, крайком партии. (А изучив его биографию самым подробным образом, мы можем сказать это с уверенностью). Всё равно мнение сложилось, стереотип устоялся – «любимчик». Возможно, это тяготило Павлова, но у него на самом деле не было времени на выяснение отношений, объяснения и прочее. Тем более что руководители края действительно его отличали, даже гордились – не во всяком регионе есть главный конструктор – член Союза писателей. И продвигали Николая Васильевича в своей тяжеловесной номенклатурной манере.

В 1965 году, с 3 по 7 марта, в Большом Кремлёвском дворце намечался второй съезд Союза писателей РСФСР. От Алтая нужно было отправить двоих делегатов. В краевой писательской организации прошло собрание, на котором выбрали Л. Квина и Ф. Больгера. Ну, выбрали и хорошо. Оба делегата достойные. Оба ехали в качестве гостей за счёт средств Союза писателей. Николая Васильевича вызвали в крайком партии и объявили, что он едет третьим делегатом за счёт средств местного бюджета. С Москвой вопрос решён.⁸² При таком раскладе отказаться было просто невозможно...

Несколько слов о читателях. В советское время, когда не было сотовых телефонов, электронной почты, интернет-сайтов и персональных страничек, общение писателей с читателями в основном было письмами. Редко какой писатель не получал письмо-отзыв на вновь изданную книгу или публикацию в журнале. И эта обратная связь была очень важна для пишущего человека, потому что из переписки он понимал, смог ли достучаться до своего читателя, понял ли тот, о чем болело сердце писателя.

В архиве Николая Васильевича сохранилось много писем от читателей, особенно активно ему писали в шестидесятых-семидесятых годах. Среди них нам попало интересное письмо (датировано 06.02.1961), в котором книголюб В. Сапронов из села Карамышево Псковской области просил Николая Васильевича выслать ему свои книги для его личной библиотеки.⁸³ Думаем, что Павлову было приятно, что о его творчестве знают и им интересуются в далёком от Алтая селе. А уважение читателей, их интерес к героям его книг искупал для Николая Васильевича все неприятности, какие возникали по ходу жизни.

Был, например, такой эпизод, косвенно связанный с сомнительной радостью быть на виду у власть предержащих. В советское время

⁸² КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 17

⁸³ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

существовало издательство, занимавшееся политическим и моральным воспитанием населения – «Политиздат». Оно имело практически монопольное право на выпуск всей официальной общественно-политической литературы, а кроме того, «Политиздат» также печатал научную и научно-популярную литературу. Авторы своих эта организация выбирала очень тщательно, существовали обязательные критерии отбора – член КПСС, высшее образование, эрудиция, высокие моральные качества. По всем этим пунктам барнаульский инженер-писатель подходил, и 18 марта 1964 года из «Политиздата» Николай Васильевич получил письмо с предложением написать произведение «о нравственности и трудовых взаимоотношениях молодёжи». Подробности сотрудничества обещали сообщить после того, как автор ответит согласием.⁸⁴

Николай Васильевич всесторонне обдумал предложение... и отказался, сославшись на производственную и научную загруженность, а также ответственную общественную работу. Соображения им двигали такие: большой гонорар (а платили в «Политиздате» существенно больше, чем в обычном издательстве) не окупит творческих и моральных затрат. А главное – он отнимет год или два драгоценного времени, которого и без того не хватало. Павлов понимал, что такого расточительства он себе позволить не мог.

Дел у Николая Васильевича, действительно, хватало. В конце 1964 года, ещё не успев раздать книгу «Клавдия и Тонечка», он повел переговоры с Алтайским книжным издательством о переиздании повести «Горячее лето», написал полдюжины рецензий на произведения начинающих авторов.⁸⁵ Это не считая научно-производственной деятельности.

С переизданием повести сложилось гладко. Возможно, потому, что редактором был опытный человек – А. С. Тресков. Интересно поработал над оформлением книги художник В. Кабанов, отразив не только суть произведения, но и его дух. Такое обычно происходит, когда художнику произведение понравилось, и он оформляет не дежурно, а с душой. Договор подписали быстро, в октябре 1965 года повесть была сдана в набор, в начале января 1966 года подписана в печать. Книга вышла солидная, в суперобложке, тиражом семьдесят пять тысяч экземпляров.

В июне 1966 года Николай Васильевич отнёс в альманах «Алтай» новый большой рассказ о детях «На конкурс «Мурзилки», в котором главным героем сделал любившего читателей Вадика Чудненко, а на второй план вывел его младшую сестрёнку Галю. Рассказ был напечатан в четвертом номере того же года и занял одиннадцать страниц.

В декабре 1966 года в крайкоме КПСС было принято решение об издании к юбилею края сборника документальных произведений о достижениях края – в науке, производстве, сельском хозяйстве, культуре, искусстве. Закономерно, что одним из авторов оказался Николай Васильевич.

⁸⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

⁸⁵ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 2, д. 11

В сборник он представил очерк «Есть такой завод» – о родном котельном заводе. В сравнительно небольшой очерк, 12 книжных страниц, вместились история предприятия – от основания и до вывода продукции на мировой уровень. Составителями сборника были А. Буторин и В. Чиликин, литературным редактором А. Баздырев. Сборник назвали «Наш край родной». Вышел он в первой половине 1968 года.

В канун нового года, 24 декабря 1966 года, Николай Васильевич подписал с Алтайским книжным издательством договор на издание книги рассказов «Вдвоём». Практически это было переиздание «Рассказов о Вадике и Жене» и новый рассказ «На конкурс «Мурзилки». По объёму книга составила 5,04 печатного листа, автору полагался гонорар 300 рублей за лист. Со стороны издательства договор подписал директор А. Т. Бутаков.⁸⁶ Украсили книгу и сделали её привлекательной замечательные цветные иллюстрации известного алтайского художника И. Цесюлевича.

Несмотря на то, что это был третий выход книги к читателям, спрос на неё был большой, и после каждого тиража автор получал от благодарных читателей-детей письма, приглашения для обсуждения в школы, библиотеки. Так же было и в этот раз. Встречи с детьми для Николая Васильевича всегда были делом ответственным, он никогда не полагался на экспромт и даже готовил письменное выступление. Работал тщательно – писал, зачеркивал, правил. Для примера приведём одно выступление из его архива, которое он написал в апреле 1968 года, сохранив авторскую орфографию и пунктуацию: *«Однажды мне пришло письмо из Ленинграда. Писала крупными буквами девочка-первоклассница Тома. Она спрашивала: «А что было с Вадиком и Женей дальше?»»*

Мой рассказ «Подарок» был опубликован в ленинградском взрослом журнале «Звезда». Оказывается, мама прочитала Томе этот рассказ и Тома заинтересовалась его героями – своими сверстниками.

Откровенно сказать, я тогда не собирался писать книжку про Вадика и Женю. И всё-таки задумался над вопросом Тома. Ответил я ей не сразу – только после того, как написал второй рассказ – «Кляксы».

Он печатался у нас в Барнауле.

И опять пришло письмо, на этот раз из Бийска – от группы школьников. И опять я задумался, снова сел за письменный стол.

Одним словом, можно сказать, что книжка писалась мной как бы вместе с ребятами, которым хотелось знать: а что дальше?

После передачи одного из рассказов по радио пионер Вова из Тогульского района в письме спросил: «Как бы поступил Вадик, если бы он заблудился в тайге?» И тут же описал случай из своей жизни: как он с приятелями пошёл на лыжную прогулку, как они заблудились и сумели вернуться домой только ночью.

Признаюсь, что один из рассказов тем самым помог мне написать тогульский пионер Вова...

⁸⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 3

Соседский шестилетний мальчуган Мишка увлекался рисованием, причём из рисунков он составлял целые рассказы. Это подтолкнуло меня написать рассказ «На конкурс «Мурзилки». Но у меня рисует не мальчик, а девочка Галя Чудненко.

История с кляксами писалась на основании наблюдений за ребятами-первоклассниками барнаульской двадцать пятой школы и музыкальной школы № 2...»⁸⁷

Вот так Николай Васильевич готовился к встречам с читателями-ребятами. Оттачивал выступление так, чтобы оно было коротким и интересным для детей.

Вернёмся в 1967 год. Год, который принёс Николаю Васильевичу и радости, и горести на творческом поприще. К первым относился выход очередной книги о детях – «Вдвоём». Событие всегда отрадное. Порадовал и выход очередной книги товарища по перу Александра Чаковского «Невеста». Хотя повесть была издана ещё в 1966 году, Николай Васильевич получил её только в 1967-м. К тому времени А. Чаковский был личностью в стране известной и авторитетной – член ССП⁸⁸ с 1941 года, с 1962 года – главный редактор «Литературной газеты», член Правления СП СССР, с 1966 года депутат Верховного Совета СССР 7-го созыва. Казалось бы, мэтр литературы, любое его произведение должно было выходить к читателю отшлифованным, вычищенным, но, как известно, ошибки бывают у всех. После прочтения повести Чаковского Николай Васильевич написал товарищескую по тону, развёрнутую, с конкретными примерами находок и промахов, рецензию. Датирована работа 20 октября 1967 года. В печати нам её найти не удалось, скорее всего, рецензия была внутренней.⁸⁹ Для чего мы об этом сказали? Чтобы ещё раз подчеркнуть, что Николай Васильевич считал нужным сказать правду, какой бы она ни была, человеку, которого уважал. Именно так он понимал то, что называлось полузабытым словом «порядочность».

Вот эта самая порядочность Павлова была подвергнута суровому испытанию в феврале 1967 года, когда состоялось отчётно-выборное собрание в отделении Союза писателей. День был субботний, и Николай Васильевич присутствовал на собрании. Повестка дня была обозначена обычная: доклад ответственного секретаря, прения, выборы бюро. Из десяти членов Союза присутствовало восемь, по уважительной причине отсутствовали Л. Квин и Ф. Больгер. В работе собрания принимали участие не только члены СП, но и председатель Правления СП РФ, литературный актив, представители культуры, крайкома КПСС, книжного издательства, журналисты, всего шестьдесят четыре человека.

После того как ответственный секретарь отделения СП А. Баздырев прочитал отчётный доклад, атмосфера в зале накалилась. Сразу стало

⁸⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 22

⁸⁸ Союз советских писателей

⁸⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 94

понятно, что на собрании предстояла смена власти. Прения начались с претензий к ответственному секретарю, обвинений его в слабой работе и предложений переизбрать. Кто-то высказывался сдержанно, кто-то резко, не обошлось и без грубых высказываний. Обычно Николай Васильевич в ходе собрания всегда брал слово, на этот раз он воздержался. Не потому, что нечего было сказать, а потому что не понимал и не принимал двурушничества. Еще вчера эти люди заискивали, улыбались, распивали чай с Баздыревым, хвалили на все лады. А теперь ругали, захлёбываясь от собственной смелости. Чуждо это было Николаю Васильевичу, неприятно и непонятно. Участвовать в интригах Николай Васильевич не хотел. Обстановка в отделении СП огорчала.

По правилам, правом голоса на собрании наделялись только члены СП. Они выбирали бюро писательской организации, а члены бюро должны были потом избрать ответственного секретаря. В тот день состав бюро избиралось открытым голосованием. Предложено было четыре кандидатуры: А. Баздырев, Н. Дворцов, И. Пантюхов и М. Юдалевич. Кандидатуру А. Баздырева, как и следовало ожидать, отклонили. В тот же день на заседании бюро ответственным секретарём был избран Н. Дворцов.⁹⁰

Осенью 1967 года, готовясь к своему юбилею, Николай Васильевич отнёс в Алтайское книжное издательство для переиздания роман «Конструкторы», самое значительное своё произведение. Это было обычной в то время практикой – к юбилею писателя в Алтайском книжном издательстве выходила его книжка. В начале 1968 года из издательства пришёл отказ. Такого оборота Николай Васильевич, конечно, не ожидал. Какие силы были приведены в движение, мы не знаем, но, по всему похоже, излишняя принципиальность вышла Николаю Васильевичу боком.

И вот тут Николай Васильевич в первый и последний раз обратился за помощью в родную организацию – к Н. Дворцову как к ответственному секретарю. Как Николай Григорьевич решал проблему мы, пожалуй, не узнаем, но он её решил. Небольшой сборник рассказов «Годы бегущие» со вступительной статьёй Н. Дворцова об авторе был отпечатан в Горно-Алтайской типографии пятнадцатитысячным тиражом в декабре 1968 года. Успели к юбилею. В сборник вошло восемь ранее издававшихся рассказов. Печатался сборник в Горно-Алтайске, но договор на издание (от 2 сентября 1968 года на 8 печатных листов) заключался с Алтайским книжным издательством. Автору был начислен гонорар – 300 рублей за лист.⁹¹

Отказ родного издательства сильно обидел Николая Васильевича. Как писатель он замолчал на несколько лет. Годами позже, ближе к шестидесятилетию, он записал свои воспоминания об этом случае.

«...Рассказ «Будем дружить» был напечатан в ленинградском журнале «Звезда», рассказ «Вдвоём» – в московском сборнике «За самого

⁹⁰ КГКУ ГААК, Ф. Р485, оп. 2, д. 25

⁹¹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 3

смелого». Это позволило мне издать в местном издательстве цикл рассказов о «Вадике и Жене».

Мне надоело быть «чужаком» в нашем издательстве, где печатались «с первого захода» лишь профессиональные журналисты. В 1959 году я был назначен главным конструктором БКЗ. Но, конечно, не писать я не мог. Выпустил несколько сборников рассказов. Однако после того как в 1968 г. в связи с пятидесятилетием я заявил в издательство о желании переиздать роман «Конструкторы» (кстати, первый роман на Алтае, написанный постоянно живущим здесь автором) и получил отказ, решил больше ничего не печатать в Барнауле.

Ещё более увлёкся техникой, защитил диссертацию, стал печатать технические статьи в московских и ленинградских научно-технических журналах.

Собственно говоря, я благодарен нашему издательству за более чем прохладное отношение ко мне. Оно оградило меня от чрезмерного увлечения литературой. Я всегда там воспринимался странным «чужаком» – ну что же, навязчивым я по натуре быть не умею...».⁹² Сколько боли от незаслуженной обиды!

Непонятного происхождения нелюбовь Алтайского книжного издательства к Николаю Васильевичу породила совсем уж несуразный демарш против него. Кто-то из издательства отправил рукопись «Конструкторы» в одно из московских издательств без ведома автора и, видимо, с какой-то не совсем корректной припиской. В начале лета из московского издательства на домашний адрес Николая Васильевича пришло письмо, в котором редактор в жёсткой форме, даже можно сказать злобно, отказал в публикации романа и посоветовал больше не отнимать драгоценное время у работников издательства пустяками.⁹³ Вот это уже было куда серьёзней, нежели просто отказ местного издательства.

Решение не издаваться на Алтае, наверное, нелегко далось Николаю Васильевичу. Но и продолжать сотрудничество с людьми, которые проявляют к тебе открытое неуважение, было не в его характере. Писать, конечно, он не перестал, но художественные произведения отправлялись в стол. Публицистика печаталась. Так, в начале 1968 года им была написана большая статья к 100-летию со дня рождения М. Горького.⁹⁴ Кроме того, он много работал с рукописями начинающих писателей. Нужно сказать, что довольно часто рецензенты отделяются от новичков в лучшем случае письменным ответом в одну страничку, а в чаще – коротким телефонным разговором. Николай Васильевич всегда отработывал одинаково требовательно произведение любого автора, неважно, начинающего или маститого. Например, из села Гилёвка Завьяловского района Алтайского края начинающий автор П. М. Иванов прислал ему большой рассказ. Павлов

⁹² КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 78

⁹³ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 99

⁹⁴ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 23

откликнулся на это послание развёрнутой рецензией на шести машинописных страницах. Детально и тактично: «...Заранее оговариваюсь, что я не критик и даже не профессиональный литератор, – следовательно, могу говорить лишь как взыскательный читатель...»⁹⁵ И далее следовал постраничный, построчный разбор.

Ещё один пример. В многотиражной газете «Котельщик» работал журналист и начинающий писатель Валерий Верютин. Начинал как поэт, затем перешёл на прозу, работал активно. И вот в альманахе «Алтай» вышла повесть «Золотая медаль»,⁹⁶ первое большое произведение. Николай Васильевич, конечно же, не мог не прочитать произведение сотрудника заводской газеты. Повесть его заинтересовала, и он, желая помочь начинающему автору, написал рецензию. Как всегда объективно, он отметил удачу автора и указал на слабые места. Из рецензии: «...«раскрепощённость» автора граничит с облегчённостью. Он пишет о том, что ему нравится, игнорируя подчас то, что диктует логика характеров.

И немедленно наказание.

Невыразительность либо нелогичность образов, их явная эскизность...

Очень эскизны образы матери Андрея (хотя тут некоторые краски определённо найдены) и особенно Юльки...

*Потеря вкуса к слову, которое в общем-то, В. Верютин чувствует...»*⁹⁷ Вот так тактично, но твёрдо рецензент направляет автора.

Можно предположить, что указывать на недоработки в произведении начинающего автора не трудно: на то он и молодой, чтобы набивать шишки и выслушивать критику. Согласимся, чаще всего новичков не щадят. Но Николай Васильевич говорил правду, невзирая на статус и заслуги. В первой половине 1974 года Сергей Залыгин прислал в редакцию альманаха «Алтай» широко известный читателям роман «Тропы Алтая» и новый роман «Южно-американский вариант». К тому времени «Тропы Алтая» выходили отдельным изданием в Новосибирском издательстве и четыре раза в московских. Кроме того, роман печатался в центральных и региональных журналах. «Южно-американский вариант» был издан в Москве. И вот почему-то Залыгину захотелось напечатать романы и в альманахе «Алтай». Возможно потому, что часть детства и юность он провёл здесь, в Барнауле. Для «Алтая», нужно сказать, это была честь – С. Залыгин был не только известным, но и авторитетным. В 1968 году за роман «Солёная падь» он получил Государственную премию СССР, в 1968–1972 годах вёл семинары прозы в Литературном институте им. А. М. Горького, с 1969 года был секретарём Правления СП РСФСР. Его литературоведческие работы об А. Чехове (эссе «Мой поэт», 1969) и А. Платонове («Сказки реалиста и реализм сказочника», 1970) получили высокую оценку в академических кругах.

⁹⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 26

⁹⁶ Алтай, № 3, 1975 г.

⁹⁷ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 73

Учитывая то обстоятельство, что оба произведения ранее издавались, редколлегия альманаха «Алтай» могла публиковать их не вычитывая. Но по каким-то причинам рукописи отдали на рецензию Николаю Васильевичу. Поработал он над ними добросовестно. Рецензия получилась на несколько машинописных страниц. Говорить о высказанных положительных моментах рукописей не будем, а вот о том, что, на взгляд Николая Васильевича, ослабило произведения, скажем: «...С. Залыгин, кажется, ушёл в жизнь на всю глубину, но не в ту. Серый отблеск мещанства в «Варианте» не делает ему чести. И это несмотря на то, что – никаких вещей, одни чувства...

*Как странно: даже такой большой художник, как С. Залыгин умеет упустить «чуть-чуть» и впасть в удручающую банальность...».*⁹⁸ Есть замечания и по «Тропам Алтая». А привели пример мы для того, чтобы показать – Николай Васильевич имел смелость указать на недостатки, невзирая на чин.

Вернёмся в 1968 год. Если сотрудничество Николая Васильевича с издательством с 1968 года прервалось, то с библиотеками и школами развивалось. Почти каждый месяц его приглашали выступить в школу или в библиотеку. А ещё, видимо, зная его отзывчивость, к нему часто обращались за помощью в различных делах. Был случай, когда Благовещенская школа № 3, надумав создать в своём музее экспозицию о писателях-сибиряках, обратилась за помощью не в отделение Союза писателей, а к Николаю Васильевичу.⁹⁹ И он помог, отправил имевшиеся у него материалы. В основном о писателях-новосибирцах – письма и рукописи, фотографии и заметки, биографические сведения.

Жизнь продолжалась. Человека, на долю которого выпала не одна дюжина суровых испытаний, непросто было выбить из колеи. Но душевное равновесие Павлова всё-таки нарушилось, как показывают архивные материалы.

Николай Васильевич написал в январе 1973 года, в преддверии своего пятидесятилетия: *«Великая Отечественная война размежевала жизнь надвое: до и после. Как и у всех людей моего поколения.*

Мне, конечно, повезло больше других. Сразу после войны мне хотелось (я почитал своей обязанностью) написать повесть о моих сверстниках в войне. Написал листов пятнадцать и бросил (рукопись, вероятно, не сохранилась). Появились впечатляющие произведения мастеров нашей литературы о войне: В. Некрасова, К. Симонова, Э. Казакевича, Б. Полевого, В. Кожевникова. Справедливо счёл, что мои литературные опыты несолидны. Писал в Ленинграде, будучи студентом последнего курса ЛПИ.

После защиты дипломного проекта в апреле 1947 года получил назначение как молодой специалист на Барнаульский котельный завод. Пытался в Москве, в главке, изменить направление (на Таганрогский котельный завод), но успеха не имел.

⁹⁸ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 94

⁹⁹ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 1, д. 2

Первый рассказ, «Литейщики», написал в 1948 году и послал на краевой литературный конкурс, посвящённый тридцатилетию комсомола. Рассказ был напечатан в сборнике «Племя молодое» в сильно «отредактированном» (искажённом) виде.

Потом стал посылать рассказы в «Сибирские огни». Рассказ «Котельщики» напечатали в пятой книжке «Сибирских огней», в 1949 г. Потом там же напечатал рассказ «За чертёжным столом» (1951 г.) и повесть «Горячее лето» (1951 г.). Позднее (1954 г.) «Сибирские огни» опубликовали роман «Конструкторы». Собственно говоря, всё, что мною создано в области литературного творчества, преимущественно связано с «Сибирскими огнями», ибо в местном издательстве, как правило, меня печатали лишь после того, как я «опробировался» журналом.

Рассказ «Будем дружить» был напечатан в ленинградском журнале «Звезда», рассказ «Вдвоём» – в московском сборнике «За самого смелого». Это позволило мне издать в местном издательстве цикл рассказов о «Вадике и Жене».

Мне надоело быть «чужаком» в нашем издательстве, где печатались «с первого захода» лишь профессиональные журналисты. В 1959 году я был назначен главным конструктором БКЗ. Но, конечно, не писать я не мог. Выпустил несколько сборников рассказов. Однако после того как в 1968 г. в связи с пятидесятилетием я заявил в издательство о желании переиздать роман «Конструкторы» (кстати, первый роман на Алтае, написанный постоянно живущим здесь автором) и получил отказ, решил больше ничего не печатать в Барнауле.

Ещё более увлёкся техникой, защитил диссертацию, стал печатать технические статьи в московских и ленинградских научно-технических журналах.

Собственно говоря, я благодарен нашему издательству за более чем прохладное отношение ко мне. Оно оградило меня от чрезмерного увлечения литературой. Я всегда там воспринимался странным «чужаком» – ну что же, навязчивым я по натуре быть не умею.

«Сибирские огни» в течение нескольких лет (Савва Кожевников, Александр Смердов) предлагали мне бросить технику, переехать в Новосибирск, стать литературным сотрудником журнала. Однако мне удалось устоять против столь соблазнительных в своё время предложений. С благодарностью думаю, что в этом мне помогла всё та же позиция нашего издательства.

Двадцать пять лет занимаюсь проектированием паровых котлов (парогенераторов). Могу без преувеличения сказать, что вместе со мной и моими трудами выросло много хороших конструкторов. В 1966 г. награждён орденом Трудового Красного Знамени. В 1971 г. получил серебряную медаль ВДНХ СССР.

Являюсь членом котельно-топочной секции Научно-технического Совета Министерства тяжёлого, энергетического и транспортного

машиностроения, членом редакции журнала «Энергомашиностроение» (Ленинград), членом краевого комитета общества «Знание».

Много лет был членом краевого комитета сторонников мира, был участником трёх Всесоюзных конференций сторонников мира.

В 1968 г. был участником VII Всемирного конгресса энергетиков, проходившего в Москве.

Естественно, что не бросаю литературной деятельности, однако, кроме статей, ничего не печатаю. Работаю над повестью и рассказами, которые отдам в журналы, но не понесу в наше издательство, если журналы не напечатают, – так тому и быть.

Сейчас очень много новых проблем в котлостроении. Мы их решаем недостаточно интенсивно. Надо работать и работать. Это главное.

Январь, 1973 г.»¹⁰⁰

Чувствуете, сколько боли? Но как бы ни страдала душа, а нарушать слова, пусть даже данного самому себе, Николай Васильевич не хотел – в издательство не пошёл. Из собратьев тоже никто не позаботился о товарище — пятидесятипятiletие встретил без книги и публикации.

Новая повесть «Морозы, метели» была готова. Это произведение рассказывало о современниках-созидателях, производственных конфликтах, крутых поворотах судеб и столкновениях разных взглядов на жизнь. Павлов отправил его в «Сибирские огни» и в альманахах «Алтай». Как там решался вопрос, сведений найти не удалось, но в альманахе «Алтай» повесть вышла только во втором номере 1974 года. По сути, это было последнее опубликованное художественное произведение Николая Васильевича. Итак, «Морозы, метели» вышли. Тираж альманаха хороший, читательская аудитория была, что называется, охвачена, но отзывов читателей или критики найти не удалось ни в архивах, ни в прессе. Зато критики и читатели откликнулись на очерк «Инженеры», опубликованный в сборнике «От Кулунды до Кош-Агача».¹⁰¹ В газете «Алтайская правда» за 20 сентября 1975 года была опубликована рецензия на сборник. Автор И. Фатин рассказал обо всех произведениях сборника, в том числе и об «Инженерах» Н. Павлова: «...Крупным планом показывает Николай Павлов инженеро-котлостроителей. Упорных, пытливых, умеющих масштабно размышлять и делать дело собственными руками. Автор прослеживает становление характеров, атмосферу, в которой невозможно быть эгоистом, жить бездумно, работать кое-как...» Коротко, но всё же сказал, заметил.

В 1973 году алтайский писатель И. Кудинов издал книгу «Сосны, освещённые солнцем» о знаменитом художнике И. И. Шишкине. Повесть вышла в первом квартале года тиражом 115 000 экземпляров. Уже 30 марта в пятничном номере «Алтайской правды» была опубликована статья И. Березюка «Поиск истины». По большому счёту статья разгромная.

¹⁰⁰ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 78

¹⁰¹ От Кулунды до Кош-Агача//произведения о людях и достижениях Алтайского края. – Барнаул: АКИ, 1975. – с. 150-166.

Приведём некоторые высказывания автора: «...*На мой взгляд, повесть, если принять терминологию художников, ещё не стала завершённой картиной, она – подмалёвок. Местами тщательно прописанный, однако в целом – подмалёвок, подготовка будущей картины... Изучив, так сказать, биографические вехи Шишкина, писатель лишь мимоходом заглянул в мастерскую художника. Отсюда – неопределённость... «общие» восторги... А в итоге повесть так и не даёт ответы на главные вопросы: чем же велик художник Шишкин? в чем существо его новаторского пейзажа? чем своеобразен он как творец?..»* Ознакомившись с рецензией, Николай Васильевич вступился за коллегу и написал статью, в которой пояснил, почему, на его взгляд, критик высказался о повести отрицательно: «...*Почему отрицательно? Мне представляется – потому, что рецензент не понимает природы художественного творчества. Он мыслит и оперирует критериями заданными, принятыми, традиционными, стёртыми...*»¹⁰²

К концу 1973 года Николай Васильевич закончил повесть «Живи от души». Готовил он её, так же как «Морозы, метели», к юбилейному изданию, но отношений с издательством не было, и повесть лежала в столе. Отчасти изменилось положение в 1975 году. Отделением Союза писателей тогда руководил И. Кудинов. Узнав о готовой рукописи Павлова, он стал осаждать издательство, обращался в крайком партии. Рукопись в план включили, но в рецензенты выбрали одного из самых требовательных писателей – В. Попова. Видимо, в надежде, что дотошный Попов не рекомендует рукопись к изданию, и тогда можно будет спокойно умыть руки.

Отчасти их надежды оправдались. В. Попов, как всегда, подошёл к рукописи требовательно. «*В свою новую книгу известный алтайский прозаик Николай Васильевич Павлов включил три повести: «Разные взгляды», «Морозы, метели» и «Живи от души». Первые две вещи уже издавались и, как говорят, выдержали проверку временем. А вот третья повесть, которая и дала название сборнику: «Живи от души» – произведение новое. И именно о нём хочется повести серьезный товарищеский разговор...*

*В смысле компоновки вещь не вызывает сомнений: здесь есть конфликт, имеется завязка, кульминационный пункт и развязка... зная огромную требовательность к себе Николая Васильевича, думается, «Живи от души» он и сам еще не считает вполне законченной работой, пригодной для издания...».*¹⁰³ Далее на шести машинописных страницах рецензент детально раскладывает недоработки и ошибки автора. Завершает В. Попов рецензию так: «...*Все эти издержки, вновь повторяю, я отношу лишь к торопливости, с которой автор пытался завершить повествование.*

Главное сделано – на столе перед автором лежит рукопись, которая при дальнейшей кропотливой работе может стать интересной, законченной повестью». На товарищеской ноте закончена рецензия, уважительно. Но, по каким-то, нам неизвестным, причинам, дорабатывать

¹⁰² КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 94

¹⁰³ Попов В. Рецензия на сборник повестей Н. Павлова «Живи от души»

повесть Николай Васильевич не стал. В новую книгу, увидевшую свет в 1976 году, вошли только «Морозы, метели» и «Разные взгляды».

Повести «Морозы, метели» и «Живи от души» стали последними художественными произведениями, которые создал Николай Васильевич. Кто сейчас скажет, почему в расцвете творческих сил писатель навсегда отложил перо? А может, и не предполагал, что навсегда, но жизнь распорядилась по-своему...

Первым и единственным, откликнувшимся на книгу «Морозы, метели», был литературовед и критик из Пскова Валентин Курбатов. В четвертом номере журнал «Сибирские огни» в 1977 году была опубликована его статья «Год и вся жизнь» (взгляд на алтайскую литературу 1976 года): *«...Проблема, которую избирает Павлов в главной повести «Морозы, метели», достаточно остра и современна, чтобы столкновения были решительны и масштабны. Автоматизация и реорганизация производства, ставшая в недавнее время государственной проблемой, даже и в пределах небольшого предприятия предполагала неизбежность разногласий, потому что речь всегда идёт прежде всего о людях...»* Вроде бы в пользу произведения говорит рецензент, но далее: *«...Способ разрешения этих конфликтов жизненно правдоподобен, но назвать разрешение художественным было бы слишком смело... С легким, привычным к этому комнатному воздуху, читателю нельзя сразу выходить на улицу большой литературы – хоть к книгам сибирских современников Павлова, к книгам Астафьева, Распутина, Липатова. Тут не разность талантов, а прежде всего разность подходов диктует способы мышления, разность степени ответственности, которая мгновенно сказывается и в языке, в стилистическом попустительстве, которое отличает Павлова...»* *«...О второй повести Павлова «Разные взгляды» можно сказать немного. Ложная значительность ее конфликта, сводящегося к тому, что человеку, у которого всюду есть блат, не должно жениться на чистых девушках, уничтожает все попытки автора выйти из материала с честью. Способы конструирования персонажей были несложны и в «Морозах, метелях», здесь же краски оставлены и вовсе простые... Мораль тоже такая вялая и такая predetermined, что чтение идет «вхолостую», по касательной. У героев своя жизнь, у читателя – своя, и ни одной точки соприкосновения...»* Для Николая Васильевича такая рецензия, думается, была громом среди ясного неба. Ведь повесть издавалась не первый раз, её вычитывали, рецензировали. И откуда был нанесён удар – от журнала, который он считал родным.

Но совсем не писать Павлов не мог. Он переключился на публицистику, стал рассказывать о родном заводе. В конце 1976 года по решению крайкома партии готовился сборник очерков «Земля моя, Алтай», посвящённый сорокалетию образования Алтайского края (издан в 1977 г.). Вступительную статью написал секретарь Алтайского крайкома КПСС А. Невский. Авторы в основном писатели и журналисты. Очерк Николая Васильевича «Первенец энергомашиностроения в Сибири», конечно же, о

котельном заводе, его людях, достижениях. Нового материала в нём немного, но автор считал, что ещё раз напомнить землякам о людях труда, об истории завода – полезно и нужно.

К шестидесятилетию Николая Васильевича по решению писательской организации был переиздан однотомник избранных произведений. В юбилейное издание вошел роман «Конструкторы», повести «Морозы, метели» и «Разные взгляды». Роман – понятно, а вот выбор повестей после разгромной статьи Курбатова чем объяснить? Видимо, Николай Васильевич не во всём был согласен с критиком, потому и включил повести в юбилейное издание. Об авторе-юбиляре в конце книги была помещена написанная по шаблонам того времени статья Н. Дворцова. Тираж – пятьдесят тысяч экземпляров. И вновь нам не удалось отыскать отзывов читателей и критиков.

В том же 1978 году в двух номерах альманаха «Алтай» были опубликованы два очерка Николая Васильевича о котельном заводе. В третьем номере – очерк «Два направления – и оба главные», в четвертом – «Тяжёлые металлоконструкции для электростанций». В публицистике Николай Васильевич всё больше и больше склонялся в сторону воспоминаний. В то же время он принялся за работу над новой книгой о родном заводе, его людях. То, что было написано и опубликовано ранее в периодике и сборнике «Навстречу грядущему», он переработал, дополнил, выровнял. Некоторые главы написал заново. Осенью 1979 года рукопись была сдана в издательство.

В то же время в издательстве рассматривалась рукопись рассказов-воспоминаний М. Юдалевича «Однополчане». В 1980 году книга вышла. В ней была глава «Дважды инженер», посвящённая Николаю Васильевичу Павлову. Приведём несколько цитат: *«...Павлов умел работать над чужими произведениями так же серьезно, придирчиво, скрупулезно, как над своими. Редко кому из пишущих на Алтае незнакомы его узкие, вдвое сложенные листочки, написанные крупным ясным почерком. И на письме, и устно Николай Васильевич, не снижая требовательности, высказывает свои замечания необидно, дружески, обнадеживающе...*

Писатели любят говорить о себе, о своих творческих успехах, планах. Николаю Васильевичу это как-то не приходит в голову. Он предпочитает слушать, слушать так же внимательно, заинтересованно, участливо, как умеет читать чужие рукописи...

Ярче, точнее становится психологический рисунок героев, тоньше конфликты, сложнее проблемы. Но по-прежнему сохраняется верность теме...

Много и восхищенно говорят о том, что Н. В. Павлов буквально ни на один месяц не покидал завода. Это сочетание писательского и инженерного труда отмечала «Литературная газета». Писала об этом и «Алтайская правда», цитируя слова Н. В. Павлова: «Я держусь за заводскую трубу».

Думается, завод, да, вероятно, и отечественное котлостроение, поскольку Павлов инженер незаурядный, от этого выиграли. А вот литература наверняка проиграла потому, что прозаик Николай Павлов написал неизмеримо меньше того, что мог написать...». Штрихами показан портрет Николая Васильевича, но характерно, ярко и точно.

Практически в одно время с «Однополчанами» была издана книга очерков Николая Васильевича «Мои дорогие друзья» в серии «Время и судьбы». Небольшой формат, четыре с половиной печатных листа, мягкая обложка и тираж всего две тысячи экземпляров. Мы не знаем, чем руководствовалось издательство, но по тем временам это был очень маленький тираж. На наш взгляд, книга заслуживала большего тиража. Очерки Николая Васильевича не просто очерки – они живая история завода, показанная через судьбы людей. В них были крупницы истории завода, которых не отыщешь ни в одном архиве, ни в одной летописи, много материала о быте, взаимоотношениях заводчан, творческих поисках котельщиков. В этом и ценность книги. Завершала издание глава о ленинградцах. В ней такие строки:

*«У меня связи с Ленинградом давние и тесные. В многотиражке ЛПИ «Политехник» публиковались мои юношеские стихи. Один из первых рассказов был напечатан в «Звезде». В ЦКТИ я защищал кандидатскую диссертацию...».*¹⁰⁴

Книга быстро ушла к читателям. Учитывая, что на Алтае профессиональных писателей, писавших на индустриальные темы, кроме Павлова, практически не было, его произведения высоко оценивались руководством края. Сборник «Мои дорогие друзья» прочитали в промышленном отделе крайкома КПСС и решили, что к сорокалетию основания котельного завода на Алтае книгу нужно переиздать. Поменяли только название и проиллюстрировали. Второе издание вышло в начале 1982 года с названием «Для большой энергетики» в твёрдом переплёте и тиражом три тысячи экземпляров. Вступительную статью написал заведующий отделом промышленности крайкома КПСС В. Постольный.

В канун сорокалетия со дня победы в Великой Отечественной войне в крае готовился сборник произведений писателей-фронтовиков. Составитель В. Шевченко – фронтовик, писатель с большим опытом работы в журналистике – вошёл в сборник со своим очерком «Побратимы». В сборник также были включены рассказы М. Юдалевича, И. Шумилова и П. Бородкина, отрывок из романа «На земле живущим» Г. Егорова, повесть «Двое в палате» Н. Дворцова, несколько глав из повести «Шумели грозы» П. Старцева, главы из романа «Звезды чужой стороны» Л. Квина.

Павлов, так уж получилось, произведений о войне не писал. Для сборника он переработал несколько очерков о котельном заводе, связал их своими воспоминаниями о боевых действиях, и получился замечательный динамичный очерк «Ленинград – Барнаул». В нём Николай Васильевич

¹⁰⁴ КГКУ ГААК Ф. Р485, оп. 1, д. 3

рассказывает о своих впечатлениях от первой встречи с Ленинградом, о поступлении в институт, о занятиях в литературной институтской студии, об уходе на фронт, выходе из окружения и многом другом, о чём раньше не говорил. Сборник произведений писателей-фронтовиков «Цена победы» вышел в начале 1985 года тиражом пятнадцать тысяч экземпляров.

Последним трудом Николая Васильевича стали воспоминания о II Всесоюзном съезде писателей, которые были опубликованы во втором номере альманаха «Алтай» в 1985 году – «Листки воспоминаний: пятидесятые годы». Воспоминания эти, по сути, были обработанными дневниковыми записями, которые Павлов делал во время съезда.

В ноябре 1985 года Николай Васильевич был госпитализирован с ишемией.¹⁰⁵ Переживания, стрессы, обиды, перегрузки на производстве, копившиеся годами, не прошли бесследно. Он это понимал. Звонок с небес, видимо, был серьезным. После больницы Николай Васильевич на некоторое время отошёл от производственных и общественных дел, что позволило ему спокойно пройти по тропам памяти, подумать и проанализировать некоторые события, по-иному взглянуть на них. Приведём небольшую выдержку из записей Николая Васильевича, сделанных в конце 1985 – в начале 1986 года: *«Заискивал Иван Березюк, вошедший в административно-«литературный» ранг только перед Львом Квином (тогда ответственным секретарём писательской организации). На любом совещании и собраниях он его так или иначе величал.*

Странно теперь это кажется.

А тогда Иван Березюк кого хотел, того включал в план издательства, а кого не хотел – известное.

Иван Березюк и Ирина Козловская ошельмовали писателя Петра Старцева. Они и громко, и шёпотом распространяли крамольные слухи, что Старцев – из рабочих, что из его творчества к шестидесятилетию и восемь листов добротной прозы не набрать!.. Иван Березюк обнаглел до того, что по-хамски заявил об этом на писательском совещании. К сожалению, его не оборвал Лев Квин. Его оборвали другие, менее маститые...

Иван Березюк и Ирина Козловская решили и меня «отлучить» от литературы. Но об этом – особый разговор. В своё время они «организовали» против моих «Рассказов о Вадике и Жене» безграмотную рецензию кандидата филологических наук Э. П. Хомич... Я к Льву Квину – дескать, насилие! Он мне как будто помогал, но так, чтобы жить с лже-другом директором издательства душа в душу.

Конечно, Иван Березюк и Ирина Козловская (с молчаливого благословения Льва Квина) «отлучили» меня от литературы. Новую повесть я спрятал на дно самого нижнего ящика своего письменного стола.

Мне представляется, что прав Игорь Пантюхов, который вместо «шушуканья наверху» прямо выносит вопросы издания и переиздания на обсуждение...

¹⁰⁵ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 77

Поразительно, что И. Березюк и И. Козловская хамили, как хотели, а мы – терпели... Думается, что с хамами надо поступать соответственно.

Все – друзья (кроме Березюка и Козловской). Не тут-то было!

Я схожусь с людьми без той счастливой лживости, которая сближает быстро. Нет лёгкости.

Дворцов (как он – первый рассказ!).

Юдалевич.

Бутаков (дать, как он приглашал). Саранча. И всё-таки – по-доброму (откровенно говоря, у меня не было и нет врагов, кроме Березюка и его «протеже» Козловской, которые попытались «отлучить» меня от литературы).

Березюк

Улыбаться надо. И смеяться тоже! (Иван Березюк, человек с юмором, высмеял писателя Петра Старцева, подходившего к шестидесятилетнему рубежу: «Ха-ха, мы с Козловской у Старцева не можем найти и восьми добротных листов для юбилейного издания!») В то время И. Березюк был директором издательства, а И. Козловская – старшим редактором.

Смешно?

Смешно и забавно, что при этом ответственный секретарь писательской организации Лев Квин тоже улыбался. Добродушно... Иван Березюк написал о нём в альманахе «Алтай» посредственную, но зато во всех отношениях панегирическую статью.

С удовольствием похохатывали Иван Березюк и Ирина Козловская над Василием Нечунаевым. Ишь ты, выискался детский классик! Ха-ха, вроде Агнии Барто...

Шутки со мной переишли в издевательство. Переиздание детской книжки «Рассказы о Вадике и Жене» И. Березюк и И. Козловская вдруг отменили. И. Березюк высказал, ухмыляясь, вообще говорил: «Мы отлучим этого выскочку, Павлова, от литературы». Юмор искренний, непосредственный. Когда я по замечаниям издательства представил отредактированную рукопись, И. Березюк написал мне, что я учёл замечания издательства, однако было нужно «изменить весь дух произведения».

Снова солнечная улыбка: при переиздании «изменить весь дух!..»

Я обратился к Льву Квину. Тот меня поддержал. Но так, что всё дело свелось к взаимным улыбкам Квина, И. Березюка и И. Козловской. Шуткуют издатели!»¹⁰⁶

Внимательно перечитав записи Николая Васильевича, сам чувствуешь, что творилось в его душе в те моменты, когда он выходил из издательства после отказа или получал оттуда очередное письмо с отказом.

К сожалению, путь любой творческой личности не без преград и на пути встречаются не только хорошие и понимающие люди...

¹⁰⁶ КГКУ ГААК Ф. Р1383, оп. 2, д. 99, орфография и пунктуация сохранены оригинальные

Скончался Николай Васильевич 1 декабря 1986 года, не дожив до дня рождения всего несколько дней. Похоронили его на Власихинском кладбище г. Барнаула, в квартале № 58в.

PS: В мутные постсоветские времена вандалы разбили надгробие Николая Васильевича. Восстановили его через несколько лет сослуживцы и руководство БКЗ.

* * * *

Жизненный путь Николая Васильевича Павлова не прост, как и у многих неординарных людей. Пережить ему довелось и хорошего, и неприятного в жизни достаточно. Но он не опустил рук, не сошёл на обочину, не перестал верить в добро и людей. Это главное, и это помогло ему многого достичь и сделать, оставить после себя на земле след, который не забылся, и, хочется верить, не забудется ещё очень долго.

Заслуги Николая Васильевича в развитии промышленности и экономики Алтайского края, да и в культуре, ещё не оценены по достоинству, потому что всё, им сделанное, полностью не изучено. Мы надеемся, что наш очерк будет тем краеугольным камнем, на котором последующие поколения исследователей творчества и производственной деятельности Николая Васильевича воздвигнут ему памятник нерукотворный. Он того заслуживает.

22 января 2019 года, по инициативе Владимира Шнайдера и при финансовой поддержке руководства ООО «Сибэнергомаш-БКЗ» в Барнауле, на доме, где Николай Васильевич жил с 1959 года, на ул. Деповской, 18, установлена памятная мемориальная доска.

Могила Николая Васильевича с 2017 года взята под охрану Алтайской краевой общественной организацией охраны памятников истории – (руководитель организации Герман Шнайдер).

В 2017 и 2018 годах по Власихинскому кладбищу Владимиром Шнайдером были организованы «Тропы памяти» с посещением могил писателей, в том числе и могилы Николая Васильевича Павлова.

Живёт память о писателе и его делах...

Шнайдер Владимир
Шнайдер Герман

Книжная серия «Имена Алтая»
выпуск седьмой

Николай Павлов

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Редактор: Н. Бокатый
Корректор: Е. Болтнева
Верстка: А. Афанасьев

Подписано в печать 10.03.2018 г.
Формат 1080x840/32. Тираж 100 экз. Заказ 877

Отпечатано в ООО «ГудАрт»
656031, г. Барнаул, ул. Привокзальная, 28в